

НОО “ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА”

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО
МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ ОТ 10.09.2026

WWW.SCIPRO.RU

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Сборник научных трудов по материалам
Международной научно-практической конференции
«Инновационный потенциал современного научного
исследования»**

10 сентября 2026 г.

**www.scipro.ru
Москва, 2026**

УДК 009
ББК 6/8

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю.О. Гусева

Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал современного научного исследования», 10 сентября 2026 г., Москва: Профессиональная наука, 2026. – 56 с.

ISBN 978-1-291-51781-1

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы развития экономики, политологии, граждановедения, юриспруденции и т.д. по материалам Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал современного научного исследования», состоявшейся 10 сентября 2026 г. в г. Москва.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

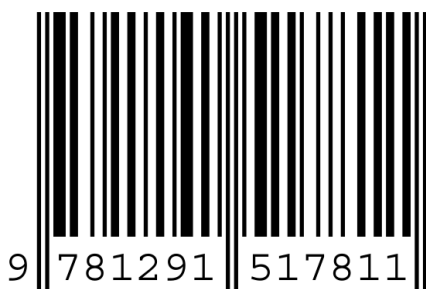
Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: PSDgraphics

УДК 009

ББК 6/8

- © Редактор Н.А. Краснова, 2026
- © Коллектив авторов, 2026
- © Lulu Press, Inc.
- © НОО Профессиональная наука, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ИСКУССТВО5

Бондарь А.И. Особенности интеграции евреев в Исламской Республике Иран: формальное признание и реальные ограничения	5
Дай Ю. Социальные сети как инструмент международной коммуникации китайских брендов	16
Курбонзода З.М., Валиев Н.Ш., Ахмадов Ф.М., Мариншоев М.М., Дайхудо В., Марджонаи Ш. К 35-летию государственной независимости Таджикистана: инициатива Республики Таджикистан по учреждению международного дня безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта в контексте глобального управления искусственным интеллектом	23

СЕКЦИЯ 2. ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО.....37

Арзубова А.А., Щепунов Е.А. Языковые компетенции на рынке труда и их влияние на уровень заработной платы (на примере Архангельской области)	37
Ушхо Асиет. Повышение инвестиционной привлекательности на основе оценки межрегиональной дифференциации.....	43
Ушхо Асиет. Трансформация экономики и социальной сферы на уровне региона.....	49

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ИСКУССТВО

УДК 33

Бондарь А.И. Особенности интеграции евреев в Исламской Республике Иран: формальное признание и реальные ограничения

Features of the Integration of Jews in the Islamic Republic of Iran:
Formal Recognition and Real Constraints

Бондарь Арсений Ильич

Московский Государственный Лингвистический Университет (МГЛУ)

Bondar Arsenii

Moscow State Linguistic University (MSLU)

Аннотация. В статье автор анализирует особенности интеграции еврейской общины в Исламской Республике Иран в условиях исламского политического режима. Для того, чтобы понять феномен “неиссякаемого присутствия” евреев в Иране автор проводит ретроспективный анализ формирования еврейской общины в Иране; сравнительный анализ современного правового, экономического и социального положения; анализ характера внешнего влияния на исследуемое меньшинство, а также характеризует отношения между еврейским меньшинством и центральной властью. Формальное признание и членство в парламенте не приравнивает меньшинство к мусульманскому шиитскому большинству и евреи продолжают сталкиваться с ограничениями в социальной и профессиональной сфере, а каждая эскалация отношений с Израилем сопровождается усилением контроля и репрессивных мер в отношении представителей общины. В сложившихся условиях стратегия существования сочетает принципы адаптации, конформизма и демонстрации лояльности государству.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; иранские евреи; Израиль; этнические меньшинства; религиозные меньшинства; интеграция меньшинств; национальная политика; иудаизм.

Abstract. The article examines the features of the integration of the Jewish community in the Islamic Republic of Iran under the country's Islamic political system. To explain the phenomenon of the continuous presence of Jews in Iran despite the long-standing confrontation between Iran and Israel, the author conducts a historical analysis of the formation of the Jewish community in Iran, a comparative analysis of its current legal, economic, and social status, and an assessment of the nature of external influence on the minority. The study also examines relations between the Jewish community and the central government. The findings demonstrate that formal recognition of Judaism and guaranteed representation in the Iranian Parliament do not place the Jewish minority on an equal footing with the Muslim Shiite majority. Iranian Jews continue to face restrictions in the social and professional spheres, while every escalation of tensions with Israel is accompanied by increased state control and repressive measures against members of the community. Under these conditions, the community's survival strategy is based on adaptation, conformity, and the demonstration of loyalty to the state.

Keywords: Islamic Republic of Iran; Iranian Jews; Israel; ethnic minorities; religious minorities; minority integration; national policy; Judaism.

Введение

Исламская республика Иран (ИРИ) является многонациональным и многоконфессиональным государством, где титульное население, персы, составляют лишь половину населения. На территории Ирана проживает 15 этносов, некоторые из которых

являются “разделенными” (курды, азербайджанцы, белуджи), поэтому национальная политика Ирана всегда была одним из наиболее актуальных направлений государственной политики.

Исследовательский интерес представляет феномен неиссякаемого присутствия евреев в Иране, а также то, как иранское правительство пытается создать единую “шиитскую умму” из разных народностей, населяющих Иран и составляющих его общество. При этом меры, применяемые руководством страны, не всегда являются эффективными, а конституционные основы нередко игнорируются, что порождает недовольство населения и создает почву для деятельности радикальных подпольных группировок ¹.

Актуальность исследования заключается в том, что интеграция меньшинств (особенно евреев в условиях постоянной конфронтации с Израилем) - это ключевой фактор внутренней стабильности и целостности Ирана, ослабление которого неизбежно приведет к изменению баланса сил как на Ближнем Востоке, так и в регионе Закавказья.

Для России, как для многонациональной страны, исследование особенностей интеграции и взаимодействия центральной власти Ирана с меньшинствами своей страны представляет исследовательский интерес как прецедент реализации национальной политики в большом и многоэтническом обществе. При этом стоит учитывать, что внутренняя дестабилизация и распад иранского государства напрямую приведет к нестабильности южных рубежей Российской Федерации.

История формирования еврейской общины в Иране

Еврейская община Ирана остается крупнейшей и наиболее институционально оформленной еврейской общиной региона вне Израиля ². Первые евреи на территориях современного Ирана появились примерно 2700 лет назад в Мидии в результате ассирийского пленения. Позже они попали в плен к Вавилонскому царству в 586 г. до н.э., из которого были освобождены Киром Великим в 539 г. до н.э. (559-530 г. до н.э.), основателем династии Ахеменидов (700-330 г. до н.э.) ³. В 538 г. до н.э. он позволил евреям вернуться в Иерусалим. Однако значительная часть евреев, почти полностью ассимилированная, предпочла остаться на чужбине. Так образовалось ядро еврейской диаспоры к востоку от Евфрата, в дальнейшем именно из Ирана еврейские общины стали распространяться дальше на Кавказ и в Среднюю Азию ⁴.

¹ Рыжов И., Бородина М. Этнические проблемы в современном Иране // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7 (289).

² Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока. 08.02.2017.

³ Review of: Sarshar H., ed. The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7, No. 1. P. 74-76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.

⁴ Месамед В. Еврейская община Ирана: состояние и перспективы // Euro-Asian Jewish (EAJ) Policy Papers. 2019. No. 20.

Далее положение евреев менялось в зависимости от эпохи. Например, с появлением в Персии в 7 веке ислама положение немусульманских меньшинств стало определяться общемусульманскими правовыми нормами. Евреи, вместе с христианами, были признаны “людьми Книги”, что защищало их и давало возможность исповедовать свою религию, но в то же время они были ущемлены в политических и гражданских правах. Значительное ухудшение положения иранских евреев произошло во время правления династии Сефевидов (1502-1736 гг.), когда шиизм в стране был объявлен государственной религией. В тот период начались первые в Иране изгнания евреев из своих домов, разрушение их жилищ и синагог, резкое усиление налогового бремени. Схожая ситуация произошла в при правлении Каджаров (1796-1925 гг.), когда на еврейскую общину наложили ряд религиозных и социальных ограничений ⁵. В целом до начала XX века, будучи религиозным меньшинством, значительная часть евреев проживала в специальных кварталах и в основном мало контактировала с окружающим населением ⁶.

В XIX-XX вв. в Иране главными сферами занятости еврейской общины стали разные виды мелкой торговли и ремесла. Большинство представителей общины были устойчиво встроены в городскую жизнь и сохраняли заметную социальную плотность ⁷.

Конституционная революция 1905-1911 гг. стала ключевым событием для положения евреев в Иране. В стране был установлен конституционный строй, созван парламент (меджлис) и провозглашено равенство представителей всех населяющих страну конфессий, начался процесс постепенного выхода евреев из своих кварталов. Численность еврейской общины в тот период составляла примерно 80 тысяч человек, расселенных по всей Персии, которые занимались преимущественно мелкой розничной торговлей и ремеслами, а более состоятельные - ростовщичеством, ювелирным делом, торговлей коврами и антиквариатом ⁸. Также евреи получили право на представительство в парламенте, и могли выбирать депутата от своей общины. Официально прекратился сбор специального налога “джизья”⁹ с евреев. Как следствие, проводимая династией Пехлеви политика иранского национализма (1930-1970-е гг.) и возвеличивания доисламской истории Ирана была с одобрением воспринята большинством евреев, почувствовавших себя частью культурного наследия страны. В этот период евреи даже смогли поступать на государственную службу, получили более широкие права и в целом шахское окружение

⁵ Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока. 08.02.2017.

⁶ Месамед В. Еврейская община Ирана: состояние и перспективы // Euro-Asian Jewish (EAJ) Policy Papers. 2019. No. 20.

⁷ Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока. 08.02.2017.

⁸ Review of: Sarshar H., ed. The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7, No. 1. P. 74-76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.

⁹ Джизья - подушный налог, взимаемый с немусульман за защиту, безопасность и неприкосновенность имущества

считало еврейскую общину важной для экономики страны ¹⁰.

В годы "Белой революции" (1963 -1978 г.) гг. еврейская община в Иране получила почти полную культурно-религиозную автономию. Таким образом, к началу исламской революции 1979 г. в Иране проживала самая большая еврейская община на Ближнем Востоке вне Израиля, насчитывающая примерно 100 тыс. человек, что составляло примерно 0,25% населения страны. Евреи преимущественно проживали в крупных городах (Тегеран, Исфахан, Шираз), их экономическое состояние было удовлетворительным, а часть даже принадлежала к классу крупных промышленников. Также стоит отметить, что во время правления династии Пехлеви Иран и Израиль были союзниками, что способствовало стабильности положения еврейской общины ¹¹. В окружении шаха Пехлеви было много евреев, которые представляли финансово-экономическую олигархию и оказывали на последнего серьезное влияние.

Однако к 1978 году внутри еврейской общины нарастал культурно-религиозных кризис, молодежь стала меньше интересоваться иудаизмом. Кроме того, евреи опасались, что антишахские движения могут привести к смене правящей элиты на традиционное исламское духовенство, которое веками культивировало неприязнь к евреям, а в последние годы существования "еврейского лобби" значительно радикализировались по отношению к этому меньшинству ¹². Во избежание негативных последствий руководители еврейской общины выбрали стратегию адаптации и проявляли солидарность в антишахских выступлениях, выразив тем самым безусловную поддержку надвигавшейся исламской революции ¹³.

Несмотря на активное участие в революционной деятельности и конформизм еврейского населения, после установления исламской теократии в Иране в 1979 году стало ясно, что евреям Ирана будет трудно уживаться в новых реалиях. За последующие 20 лет Иран покинуло более 55 тысяч евреев: богатые, как правило, уезжали в США, а бедные - в Израиль ¹⁴. Однако даже при том условии, что Израиль предлагал деньги тем, кто согласится переехать (\$10 тысяч каждому и \$62 тысячи каждой семье), многие евреи предпочли остаться в Иране и смогли адаптироваться к новым условиям ¹⁵.

¹⁰ Kameneva M. S. The Jews of Iran: Past and Present // Vostok (Oriens). 2020. No. 2. Pp. 131-137. DOI: 10.31857/S086919080009133-3.

¹¹ Review of: Sarshar H., ed. The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7, No. 1. P. 74-76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.

¹² Бондарь Ю. М. Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах (Исламская Республика Иран) // Москва: Военный Университет МО РФ. 2011.

¹³ Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока. 08.02.2017.

¹⁴ Kameneva M. S. The Jews of Iran: Past and Present // Vostok (Oriens). 2020. No. 2. Pp. 131-137. DOI: 10.31857/S086919080009133-3.

¹⁵ Саркисян И. В. Иран: участие религиозных меньшинств в выборах в Меджлис // Институт Ближнего Востока. 03.03.2016.

Современное положение, двенадцатидневная война в 2025 году и исповедание иудаизма

После создания Исламской Республики Иран в 1979 году положение еврейского населения ухудшилось, что привело к значительному уменьшению их численности и повышенной необходимости культурного наследия. Дополнительную опасность для еврейской общины Ирана стала представлять проявившаяся антиизраильская направленность внешней политики режима, способствовавшая формированию атмосферы подозрительности по отношению к евреям. Поэтому важным механизмом обеспечения собственной безопасности стала стратегия конформизма и демонстративной лояльности государству ¹⁶.

Точной информации о том, сколько евреев на данный момент проживает в Иране, нет, однако Еврейская ассоциация насчитывает до 15 тысяч членов, а общее число евреев может достигать до 40 тысяч человек (менее 0,05% населения). На данный момент большинство представителей данной общины проживают в таких городах, как Тегеран (около 55% еврейского населения), Шираз, Исфахан, Керман, Мешхед и Йезд ¹⁷. Евреи составляют средний класс и зачастую развивают малый и средний бизнес. Иранские евреи за пределами своей общины соблюдают законы иранского общества, в том числе и в отношении одежды. Внутри же общины им разрешено соблюдать традиции иудаизма. Сегодня иранские евреи в основном используют персидский язык как первый или второй язык, при этом у некоторых общин сохранились собственные диалекты ¹⁸.

Положение иранских евреев имеет двойственный характер. С одной стороны, еврейская община сохраняет институциональную структуру и элементы автономии. Некоторые эксперты даже считают, что сейчас узкий круг иранских финансистов и бизнесменов еврейского происхождения помогают вести внешнеэкономическую деятельность властям Ирана ¹⁹. Меньшинство имеет гарантированное представительство в парламенте с 1909 года (1 из 290 мест; 0,3%), что способствует развитию общины. Всех кандидатов проверяет КСИР, поэтому деятельность в парламенте - это контролируемый канал политической репрезентации для меньшинств ²⁰. Также в стране существуют иудейские школы (в Тегеране их 5), где обучение происходит на иврите, а выходными днями считаются пятница и суббота (шаббат), в то время как все остальные школьники отдыхают по

¹⁶ Review of: Sarshar H., ed. The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7, No. 1. P. 74-76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.

¹⁷ Бондарь Ю. М. Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах (Исламская Республика Иран) // Москва: Военный Университет МО РФ. 2011.

¹⁸ Каменева М. С. Этно-конфессиональные проблемы ИРИ в контексте официальной политики (на примере положения бахаи и еврейской общины) // Институт Ближнего Востока. 23.08.2016.

¹⁹ Бондарь Ю. М. Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах (Исламская Республика Иран) // Москва: Военный Университет МО РФ. 2011.

²⁰ Саркисян И. В. Иран: участие религиозных меньшинств в выборах в Меджлис // Институт Ближнего Востока. 03.03.2016.

четвергам и пятницам ²¹. Также по всему Ирану существует множество культурных и исторических памятников евреев, например: памятник на еврейском кладбище Тегерана в честь еврейских воинов, павших в ходе ирано-иракской войны (1980-1988 года).

С другой стороны, иранские евреи имеют также ряд ограничений. Например, они не должны показывать какую-либо поддержку или симпатизировать Израилю. Они не могут поддерживать связь с Израилем, несмотря на то, что многие имеют там родственников. Кроме того, евреи в Иране сталкиваются с рядом социальных ограничений: в армии им невозможно дослужиться до высших военных званий; директорами еврейских школ в Тегеране являются, зачастую, мусульмане; раньше, если в еврейской семье в результате несчастного случая погибал родственник, то она получала значительно меньшую компенсацию, чем в аналогичной ситуации мусульманская семья; до сих пор в области трудоустройства, получения высшего образования, судопроизводства существуют послабления для мусульман и ограничения для религиозных меньшинств, в первую очередь, для евреев ²².

В периоды обострения внешнеполитической ситуации положение евреев в ИРИ заметно ухудшается. Шаткость положения евреев в Иране показала 12-дневная война летом 2025 года, которая сопровождалась массовыми арестами, обвинениями в шпионаже и репрессиями во всех местах проживания евреев в Иране под предлогом сотрудничества с Израилем. Тогда за две недели в Иране арестовано более 700 человек, подозреваемых в связях с Израилем. По информации из СМИ, среди арестованных есть раввины и руководители еврейских общин в Тегеране и Ширазе. Важно подчеркнуть, что в иранском официальном дискурсе понятие “израильский шпион” не тождественно понятию “еврей”. Однако на практике именно еврейская община оказывается в уязвленном состоянии, поскольку при любом конфликте с Израилем именно она становится главным объектом подозрения со стороны иранских силовых структур.

Интерес представляет и религиозное положение еврейской общины в Иране. Иранские евреи исповедуют иудаизм, что никак не ограничивается властями. Согласно 13 статье конституции ИРИ, помимо ислама официально признанными религиями являются иудаизм, христианство и зороастризм²³.

Большинство иранских евреев соблюдают все предписания своей веры. Точное число синагог неизвестно, но Тегеранская еврейская ассоциация оценивает их примерно в сто по стране (26 из которых в Тегеране, а 21 в Ширазе, где проживает менее 3000 евреев).

²¹ Санаи М. Иран — дом для второй по величине общины иудеев на Ближнем Востоке // LiveJournal. 30.05.2019.

²² Каменева М. С. Этно-конфессиональные проблемы ИРИ в контексте официальной политики (на примере положения бахаи и еврейской общины) // Институт Ближнего Востока. 23.08.2016.

²³ Конституция Исламской Республики Иран (перевод Л. А. Никитиной) [Электронный ресурс] // Большая Российская Энциклопедия: Конституции Государства Азии (стр. 244).

Еврейские дети и молодежь не лишены возможности получать религиозные знания. Обучение основам иудаизма идет в часы, отведенные мусульманам для изучения Корана и основ ислама. Помимо этого у иранских евреев есть культурные комплексы, специальные места для забоя скота в соответствии с требованиями иудаизма. Однако важно отметить, что новые синагоги не строятся, что связано с сокращением численности еврейской общины из-за эмиграции, но старые синагоги реставрируются, поскольку представляют культурную, историческую и религиозную ценность ²⁴.

Взаимоотношения с центральной властью

Евреи Ирана оказываются в положении группы, которая находится под постоянным подозрением и поэтому вынуждена демонстрировать свою лояльность государству для обеспечения собственной безопасности. Сейчас лидерами еврейской общины в Иране можно считать главу общинного Совета и депутата Собрания исламского Совета (парламента). Задачей лидеров является безоговорочная поддержка политики страны и осуждение Израиля, а также демонстрация еврейской жизни в Иране, как свободной и непритесненной. Например, депутат парламента от еврейской общины Сиамак Морэ-Седдек публично выступил против антииранского выступления израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2017 году, сказав: "В очередной раз мы стали свидетелями бессмыслицы и шантажа со стороны преступника ...", "Эти высказывания ни на секунду не поколеблют решимость иранских евреев быть нераздельной частью благородной иранской нации, разделяя ее жизненные интересы" ²⁵. Однако не только лидеры, но и обычные представители меньшинства вынуждены доказывать свою лояльность, поэтому они принимают активное участие в демонстрациях проведения Всемирного дня Иерусалима, посвященного обсуждению политике Израиля и поддержке Палестины ²⁶.

По сути, община живет в состоянии хрупкого равновесия. Положение иранских евреев во многом зависит от общей политической атмосферы внутри страны. Окончание ирано-иракской войны или приход к власти президентов либералов Сейеда Мохаммада Хатами в 1997 году, Хасана Роухани в 2013 году и Масуда Пезешкиана в 2024 году благоприятно сказались на положении общины. В эти годы были решены некоторые острые проблемы, например, облегчены условия выезда иранских евреев за границу, стало возможным восстановить отношения с родственниками и друзьями, проживающими за границей, в том числе и в Израиле. Однако даже в периоды относительной либерализации не

²⁴ Kameneva M. S. The Jews of Iran: Past and Present // Vostok (Oriens). 2020. No. 2. Pp. 131-137. DOI: 10.31857/S086919080009133-3.

²⁵ اظهار عصبانیت نماینده حکومتی کلیمیان ایران، از سخنان نتانیاهو. تحریریه تایمز اسرائیل. // The Times of Israel 24.09.2017.

²⁶ Benjamin Weinthal. Iran Pressures Jews to Not Celebrate Passover and Join Anti-Israel March // Middle East Forum. April 9, 2023

прекращались судебные процессы по делам о “израильском шпионаже”, а антиссионистская риторика оставалась важной частью официального дискурса ²⁷. Именно эта двойственность и определяет специфику интеграции еврейской общины в современном Иране.

Официальная позиция властей заключается в разграничении между иранскими евреями и Израилем, но на практике это различие нередко размывалось, фиксировались случаи конфискации собственности или масштабные судебные дела по подозрениям в сотрудничестве с Израилем и шпионаже ²⁸, а антисемитские высказывания регулярно озвучивались высшим религиозным руководством страны и публиковались консервативной прессой. Так, у бывшего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада использование антисемитской риторики стало неизменной частью его политической риторики. Одновременно с этим руководство страны регулярно поздравляет “еврейских соотечественников” с официальными иудейскими праздниками и показывает уважение к этой общине. Например, вице-спикер парламента Ирана Мохаммад Хасан Абатораби-Фард выражал благодарность еврейской общине ИРИ за поддержку режима Исламской Республики и проявляемое с ее стороны осуждение внешней политики США и действий Израиля в отношении палестинского населения. Вероятно, одной из целей подобных выступлений является демонстрация всему миру, что исламский Иран является на самом деле мультирелигиозным государством, где существует свобода вероисповедания не только мусульманами, но и последователей других религий, в том числе - иудаизма²⁹.

Внешнее влияние

В целом можно предположить, что в условиях постоянного контроля со стороны иранских властей иранская еврейская община не является объектом полномасштабного и прямого внешнего воздействия. Среди еврейского населения не существует политизированных организаций, а про его влияние на общественно-политическую жизнь страны в открытых источниках не сообщается ³⁰. Внешние акторы, прежде всего Израиль, могут пытаться оказывать влияние через отдельные каналы вербовки. Более того, значительная часть сообщений о “шпионских сетях” и “израильских агентах” являются спорными и нередко опирается на обвинения, которые выглядят недостаточно убедительными. Наиболее напряженным для иранских евреев стал период с 1999 по 2001 год, когда было осуществлено множество арестов по обвинению в шпионаже в пользу

²⁷ Review of: Sarshar H., ed. The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7, No. 1. P. 74-76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.

²⁸ Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока. 08.02.2017.

²⁹ Месамед В. Еврейская община Ирана: состояние и перспективы // Euro-Asian Jewish (EAJ) Policy Papers. 2019. No. 20 (May 8). URL: <https://institute.eajc.org/eajpp-20/> (дата обращения: 09.04.2026).

³⁰ Бондарь Ю. М. Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах (Исламская Республика Иран) // Москва: Военный Университет МО РФ. 2011 (стр. 95-96)

Израиля, где самым распространенным основанием стало поддержание связей с родственниками, репатриировавшимися в Израиль. Это привело к большой волне миграций среди еврейского населения. Наиболее вероятной формой внешнего влияния на иранских евреев представляется не систематическая координированная работа извне, а отдельные случаи вербовки, либо мирные действия, как например общение с родственниками из Израиля, которые могут быть политизированными и восприниматься иранскими властями как шпионаж или нелояльность. Поэтому внешнее влияние на иранских евреев скорее носит ограниченный характер, поскольку более значимыми оказываются внутренний контроль, подозрительность властей и обвинения в связях с Израилем, как инструмент давления и, возможно, как способ удержания общины в состоянии страха и осторожности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интеграция еврейского меньшинства в иранское общество является ограниченной. Иранские евреи имеют глубокую историю формирования и проживания в Персии, за это время меньшинство неоднократно продемонстрировало умение адаптироваться к меняющимся условиям существования, пережив этапы как длительной дискриминации (при Сефевидах (1501-1736 гг.) и Каджарах (1789-1925 гг.)), так и значительного повышения статуса и влияния (при Пехлеви (1925-1979 гг.)). Переломным моментом стала революция 1979 года, после которой половина населения меньшинства покинула Иран, однако часть евреев осталась, проигнорировав предложения Израиля за деньги вернуться на “этническую Родину”, это показывает глубокую взаимосвязь оставшейся части общины с иранским обществом. Этот исторический путь позволил сформировать стратегию, основанную на адаптации и конформизме, которая привела к появлению современного феномена неиссякаемого присутствия евреев в Иране в условиях конфронтации с Израилем.

Современное положение иранских евреев складывается двойственным образом. С одной стороны, условия жизни меньшинства в Иране значительно улучшились в последнее время. Сейчас евреи никак не ограничены в исповедании иудаизма и являются признанным конституцией религиозным меньшинством, имеют конституционно закрепленный статус, гарантированное место в иранском парламенте, собственную образовательную, религиозную и культурную инфраструктуру. С другой стороны, формальное признание не приравнивает меньшинство к мусульманскому шиитскому большинству. Иранские евреи сталкиваются с различными трудностями: ограничения в социальной и профессиональной сфере; “стеклянные потолки”; невозможность занимать высокие посты и работать в государственных структурах; строгий контроль за политической репрезентацией и постоянное подозрительное отношение со стороны правительства.

В условиях постоянного контроля со стороны властей наиболее вероятно, что на меньшинство не оказывается внешнее влияние. При этом противостояние Ирана и Израиля делает положение общины особенно уязвимым, поскольку обострения отношений между странами неизбежно ведут к усилению подозрений, арестам и давлению на еврейское меньшинство. В таких условиях евреи вынуждены прибегать к стратегии конформизма и адаптации для сбережения своего культурного и материального наследия, доказывая свою лояльность государству публичными выступлениями и участием в проправительственных митингах.

Библиографический список

1. Ганиев Т. А., Бондарь Ю. М., Толмачев С. Г. Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах (Исламская Республика Иран). М.: Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, 2011. 389 с.
2. Каменева М. С. Этно-конфессиональные проблемы ИРИ в контексте официальной политики (на примере положения бахаи и еврейской общины) // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. 23.08.2016. URL: <https://www.iimes.ru/?p=29644> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Конституция Исламской Республики Иран / пер. Л. А. Никитиной // Конституции государств Азии. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. С. 235–272. URL: <https://m.bigenc.ru/vault/842aab8af053ad7646af713f092083a2.pdf> (дата обращения: 28.04.2026).
4. Месамед В. Еврейская община Ирана: состояние и перспективы // Euro-Asian Jewish (EAJ) Policy Papers. 2019. No. 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://institute.eajc.org/eajpp-20/> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Месамед В. И. Еврейская община в Иране в условиях исламского режима // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. 08.02.2017. URL: <https://www.iimes.ru/?p=32475> (дата обращения: 05.04.2026).
6. Рыжов И., Бородина М. Этнические проблемы в современном Иране // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7 (289). С. 107–127.
7. Санаи М. Иран — дом для второй по величине общины иудеев на Ближнем Востоке // LiveJournal [Электронный ресурс]. 30.05.2019. URL: <https://sanaei.livejournal.com/226898.html> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Саркисян И. В. Иран: участие религиозных меньшинств в выборах в Меджлис // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. 03.03.2016. URL: <https://www.iimes.ru/?p=27632> (дата обращения: 22.04.2026).

-
9. Саркисян И. В. Современный сепаратизм в Иране // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. 11.10.2018. URL: <https://www.iimes.ru/?p=48655> (дата обращения: 25.04.2026).
 10. Kameneva M. S. The Jews of Iran: Past and Present // Vostok (Oriens). 2020. No. 2. Pp. 131–137. DOI: 10.31857/S086919080009133-3.
 11. Review of: Sarshar H. (ed.) The Jews of Iran: The History, Religion, and Culture of a Community in the Islamic World. London: I.B. Tauris, 2014 // Bustan: The Middle East Book Review. 2015. Vol. 7. No. 1. Pp. 74–76. DOI: 10.5325/bustan.7.1.0074.
 12. Weinthal B. Iran Pressures Jews to Not Celebrate Passover and Join Anti-Israel March // Middle East Forum [Electronic resource]. 09.04.2023. URL: <https://www.meforum.org/iran-pressures-jews-to-not-celebrate-passover> (accessed: 24.05.2026).
 13. Ezhhār-e asabāniyat-e namāyande-ye hokumati-ye Kalimiyān-e Irān az sokhanān-e Netanyahu اظهار عصبانیت نماینده حکومتی کلیمیان ایران، از سخنان نتانیاهو, Представитель еврейской общины Ирана, назначенный государством, выразил возмущение словами Нетаньяху // The Times of Israel (Persian) [Electronic resource]. 24.09.2017. URL: <https://fa.timesofisrael.com/%D8%A7%D8%B8%D9%87%D8%A7%D8%B1-%D8%B9%D8%B5%D8%A8%D8%A7%D9%86%DB%8C%D8%AA%D9%90-%D9%86%D9%85%D8%A7%DB%8C%D9%86%D8%AF%DB%80-%D8%AD%DA%A9%D9%88%D9%85%D8%AA%DB%8C%D9%90-%DA%A9%D9%84%DB%8C%D9%85%DB%8C/> (accessed: 24.05.2026).

УДК 659.4

Дай Ю. Социальные сети как инструмент международной коммуникации китайских брендов

Social Networks as a Tool for International Communication of Chinese Brands

Дай Юйхань

Магистрант института бизнес-коммуникаций

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Научный руководитель: **Почепаев И. А.,**

преподаватель кафедры Бренд-коммуникаций

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Dai Yuhan

Master's Degree Student, Institute of Business Communications

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Scientific adviser: Pochepaev I. A.,

Lecturer, Department of Brand Communications

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Аннотация. В статье исследуются социальные сети как инструмент международной коммуникации китайских брендов. На основе сравнительного и вторичного анализа эмпирических исследований 2024–2026 гг. рассмотрены платформенная дифференциация, локализация контента, участие зарубежной аудитории в формировании брендового образа и мультимодальные стратегии. Кейсы Huawei, Xiaomi, Alibaba, SHEIN, DJI и CNPC показывают переход от широкого охвата к точной платформенной и культурной настройке коммуникации. Выявлены четыре взаимосвязанных условия эффективности: соответствие контента платформе, сохранение единой идентичности бренда, межкультурная адаптация и системный анализ пользовательских реакций.

Ключевые слова: социальные сети, международная коммуникация, китайские бренды, межкультурная коммуникация, локализация, брендовая идентичность.

Abstract. The article examines social networks as a tool for the international communication of Chinese brands. Based on a comparative and secondary analysis of empirical studies published in 2024–2026, it considers platform differentiation, content localization, overseas audience participation in brand-image formation, and multimodal strategies. The cases of Huawei, Xiaomi, Alibaba, SHEIN, DJI, and CNPC demonstrate a shift from broad coverage to precise platform and cultural adaptation. Four interrelated conditions of communication effectiveness are identified: platform-content fit, a consistent brand identity, cross-cultural adaptation, and systematic analysis of user responses.

Keywords: social networks, international communication, Chinese brands, cross-cultural communication, localization, brand identity.

Международная коммуникация китайских брендов в социальных сетях формируется на пересечении бренд-менеджмента, межкультурной коммуникации и платформенной логики цифровых медиа.

Цель исследования состоит в выявлении механизмов, за счет которых зарубежные социальные сети обеспечивают китайским брендам выход к международной аудитории и переводят коммуникацию от простого распространения сообщений к устойчивому

взаимодействию с потребителями.

Исследовательский материал составили опубликованные в 2024–2026 гг. эмпирические работы о зарубежных аккаунтах китайских предприятий и актуальный аналитический доклад о коммуникационной деятельности китайских компаний.

Применены сравнительный анализ, вторичный анализ количественных данных и сопоставление кейсов Huawei, Xiaomi, OPPO, Alibaba, SHEIN, DJI, CATL, Hisense, Roborock и China National Petroleum Corporation (CNPC, Китайская национальная нефтегазовая корпорация). В качестве рабочего понимания социальной сети используется модель Дж. Х. Китцманна, К. Херменкенс, И. Маккарти и Б. Сильвестре, выделяющая семь функциональных блоков: идентичность, разговор, обмен контентом, присутствие, отношения, репутацию и группы [2, с. 243].

Для международного бренда принципиально сочетание нескольких функций в одной среде: публикация формирует публичный образ компании, комментарии показывают интерпретацию сообщения, репосты расширяют трансграничный охват, а подписка и повторное взаимодействие закрепляют отношения с аудиторией.

Платформенная специфика определяет форму международного сообщения и способ реакции на него. Исследование Х. А. М. Ворфельд, Г. ван Норт, Д. Г. Мунтинги и Ф. Броннера на выборке 1346 пользователей показало, что опыт вовлеченности существенно различается между Facebook, YouTube, Twitter, Instagram и другими социальными сетями, причем оценки рекламы связаны с различными наборами пользовательских впечатлений на каждой платформе [6, с. 38].

Б. Годей с соавторами связывают результативность маркетинга в социальных сетях с развлекательностью, интерактивностью, актуальностью, кастомизацией и электронным «сарафанным радио» (electronic word of mouth, eWOM - электронная передача потребительских рекомендаций), выявляя положительную связь соответствующих усилий с осведомленностью о бренде и его образом [1, с. 5833].

Различение корпоративного и пользовательского содержания также имеет существенное значение. Б. Шивински и Д. Домбровский на материале Facebook установили различное воздействие firm-created social media communication (коммуникации, созданной компанией) и user-generated social media communication (коммуникации, созданной пользователями) на компоненты потребительского капитала бренда [4, с. 31].

В международной среде бренд поэтому управляет прежде всего условиями разговора, набором смысловых опор и качеством обратной связи, поскольку итоговый образ складывается из корпоративного сообщения и публичной реакции аудитории.

Китайские данные позволяют проследить связь между платформенной адаптацией и фактическим коммуникационным охватом. Юань Шэн и Тянь Мяо исследовали аккаунты 50

центральных государственных и 50 частных предприятий на Facebook, Instagram, X, YouTube и TikTok за период с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2023 г.; индекс включал показатели присутствия, числа подписчиков, публикационной активности и максимального взаимодействия с контентом [9, с. 47]. В итоговом рейтинге первые семь мест заняли технологические компании Huawei, OPPO, Xiaomi, DJI, Lenovo, OnePlus и Vivo, а индекс China Southern Airlines, лидера среди центральных государственных предприятий, составлял около 31 % от показателя Huawei [9, с. 48].

Разница проявлялась и на уровне конкретных платформ. На 25 июня 2024 г. Xiaomi имела 4,70 млн подписчиков в Instagram и 4,70 млн в TikTok против 1,80 млн и 3,20 млн у Samsung соответственно, хотя Samsung значительно опережала Xiaomi в X, Facebook и YouTube. Alibaba в тот же день имела 2,40 млн подписчиков в TikTok против 978 тыс. у Amazon, при заметном отставании от Amazon на остальных четырех площадках [9, с. 48]. Сопоставление показывает, что международная коммуникация через социальные сети зависит от способности бренда занять подходящую платформенную нишу. Материалы Alibaba в Facebook были ориентированы преимущественно на деловую и корпоративную повестку, тогда как TikTok использовался для коротких развлекательных роликов; к концу 2023 г. 143 ролика Alibaba в TikTok получали в среднем около 200 тыс. отметок «Нравится», а 283 ролика Amazon - около 90 тыс. [9, с. 48].

Единая международная идентичность бренда сохраняется. Но способ ее выражения меняется в соответствии с культурой конкретной платформы.

Локализация в социальных сетях охватывает визуальный код, модель потребителя и структуру брендовых ценностей. Ван Баолу и Чжао Сычжо исследовали 956 рекламных изображений SHEIN в Instagram с применением grounded theory (обоснованной теории) и кодирования в NVivo 11.0. Авторы выделили 201 узел, 34 исходные категории, 11 основных категорий и пять ключевых измерений формирования образа бренда: характеристики продукта, образ потребителя, выражение ценностей бренда, маркетинговую деятельность и сервисное взаимодействие [8, с. 16].

Наибольшую роль играли характеристики продукта и образ потребителя, а символический язык расширял возможности индивидуализированного выражения в межкультурной среде [8, с. 16]. Для международной коммуникации китайских брендов важен вывод о переходе от перевода рекламного сообщения к адаптации всей системы репрезентации. Зарубежный пользователь встречается в ленте с конкретным сочетанием модели, одежды, ситуации потребления, подписи, хештега, комментариев и реакции сообщества.

Связность соответствующих элементов позволяет бренду включать продукт в знакомые аудитории социальные сценарии и одновременно сохранять узнаваемые

визуальные признаки. Локализация становится способом смысловой настройки коммуникации под конкретный рынок и платформу, а визуальный контент получает функцию межкультурного посредника.

Интерактивность социальных сетей расширяет роль зарубежной аудитории в конструировании значения китайского бренда. Вань Мучунь, Ван Сыцзе и Ван Цзюаньси отобрали пять технологических брендов - DJI, Huawei, CATL, Hisense и Roborock - и проанализировали по 20 наиболее популярных видеопубликаций официальных YouTube-аккаунтов каждого бренда; после очистки массива в исследование вошел 11 321 англоязычный комментарий [7, с. 48–49]. Анализ фантазийных тем (Fantasy Theme Analysis, FTA - анализ повторяющихся символических сюжетов и групповых интерпретаций) выявил три смысловых комплекса, связанные с «силой продукта», «силой бренда» и «силой трения».

Пользовательские обсуждения формировали риторическое видение интернационализации китайских технологических брендов, а участниками производства образа становились зарубежные потребители, сами компании, медиа и другие заинтересованные стороны [7, с. 52]. Коммуникационная функция YouTube в таком случае включает демонстрацию технологии, накопление пользовательских свидетельств, публичную проверку брендовых обещаний и формирование сообщества вокруг повторяющихся смыслов.

Комментарии выступают самостоятельным информационным слоем, по которому можно выявлять точки доверия, культурные расхождения и темы, вызывающие эмоциональный отклик.

Свежие исследования 2026 г. показывают усиление мультимодального компонента международной коммуникации. Сунь Я и Гоу Дицун анализируют публикации CNPC в X с хештегом #CNPCfamily за 2023–2024 гг. и рассматривают *intersemiotic metaphor convergence* (интерсемиотическую конвергенцию метафоры) как согласование текста, изображения, эмодзи, числовых знаков и хештегов вокруг общей метафорической сцены [5, с. 31–32]. Хештег #CNPCfamily задает образ компании как семьи, а остальные элементы публикации развивают его через ситуации совместной работы, празднования и взаимной поддержки.

Авторы выделяют изоморфный, зависимый и агрегативный типы согласования семиотических ресурсов и связывают их с интертекстуальностью и метафорическим приращением [5, с. 28]. Кейс особенно показателен для государственных компаний: по данным исследования, в 2024 г. CNPC заняла первое место в комплексном рейтинге зарубежного интернет-коммуникационного потенциала центральных государственных предприятий Китая, а по объему публикаций и интерактивной активности в X опережала другие центральные предприятия [5, с. 31]. Международная коммуникация здесь строится

через универсально считываемый социальный фрейм «семья», который связывает корпоративную идентичность с понятной зарубежной аудитории моделью отношений и позволяет согласовывать вербальный и визуальный уровни сообщения.

Актуальная динамика подтверждает движение китайских компаний к более точной настройке международной коммуникации. В «China Enterprises Overseas Communication Power Analysis Report (2026)» («Анализ коммуникационного потенциала китайских предприятий за рубежом, 2026»), совместно подготовленном Reference News («Цанькао сяоси») и National Institute for Opening-up (Национальный институт исследований открытости) при University of International Business and Economics (UIBE, Университет международного бизнеса и экономики), развитие 2025 г. описывается как переход от broad-spectrum coverage (широкого охвата) к precise reach (точному достижению аудитории), а в содержательном плане - к эмоциональному резонансу через сторителлинг, сценарный опыт и локализованную эмпатию [3, с. 1]. Доклад опирается на зарубежную базу мониторинга общественного мнения Reference News и анализирует субъектов коммуникации, направление, форму, охват, глубину контакта и тональность [3, с. 1]. Зафиксированная трансформация согласуется с эмпирическими кейсами технологических и потребительских брендов: эффективность растет при сочетании платформенной специализации, культурной адаптации, пользовательского участия и измерения реакции. Для практики международной коммуникации приоритет получают регионально дифференцированные аккаунты, локальные языковые версии, короткое видео, работа с комментариями и социальное слушание (social listening - систематический анализ публичных упоминаний и реакций). Единый глобальный образ бренда при подобной архитектуре поддерживается общими ценностями и визуальными кодами, а тактика общения строится с учетом конкретной площадки и культурного контекста.

Проведенный анализ позволяет рассматривать социальные сети как инфраструктуру международной коммуникации китайских брендов, в которой одновременно действуют механизмы охвата, адаптации, взаимодействия и совместного производства значений. Результативная модель включает четыре взаимосвязанных уровня: выбор платформы в соответствии с поведением целевой аудитории; дифференциацию форматов при сохранении единой идентичности; культурную и языковую локализацию мультимодального контента; постоянный анализ пользовательских реакций с последующей корректировкой коммуникации. Эмпирические данные Huawei, Xiaomi, Alibaba, SHEIN, технологических брендов на YouTube и CNPC показывают, что количество аккаунтов или публикаций приобретает коммуникационную ценность вместе с качеством платформенного соответствия и способностью контента включаться в пользовательские практики. Международная коммуникация китайских брендов в социальных сетях развивается в

сторону точного охвата, эмоционального взаимодействия и соучастия аудитории в формировании брендового образа. Социальная сеть в этой модели выступает одновременно каналом распространения, средой межкультурного перевода и публичным пространством, где репутация бренда непрерывно подтверждается через реакции пользователей.

Библиографический список

1. Godey B., Manthiou A., Pederzoli D., Rokka J., Aiello G., Donvito R., Singh R. Social media marketing efforts of luxury brands: influence on brand equity and consumer behavior [Электронный ресурс] // Journal of Business Research. – 2016. – Vol. 69, no. 12. – P. 5833–5841. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.04.181. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.04.181> (дата обращения: 25.08.2026).
2. Kietzmann J. H., Hermkens K., McCarthy I. P., Silvestre B. S. Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media [Электронный ресурс] // Business Horizons. – 2011. – Vol. 54, no. 3. – P. 241–251. – DOI: 10.1016/j.bushor.2011.01.005. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2011.01.005> (дата обращения: 27.08.2026).
3. Reference News; National Institute for Opening-up, University of International Business and Economics. China Enterprises Overseas Communication Power Analysis Report (2026) (《中国企业海外传播力分析报告 (2026)》) [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: <https://news.uibe.edu.cn/info/1381/134448.htm> (дата обращения: 29.08.2026).
4. Schivinski B., Dabrowski D. The impact of brand communication on brand equity through Facebook [Электронный ресурс] // Journal of Research in Interactive Marketing. – 2015. – Vol. 9, no. 1. – P. 31–53. – DOI: 10.1108/JRIM-02-2014-0007. – URL: <https://doi.org/10.1108/JRIM-02-2014-0007> (дата обращения: 31.08.2026).
5. Sun Y., Gou D. Chinese Enterprises' Overseas Social Media Communication Through Intersemiotic Metaphor Convergence: A Case Study of #CNPCfamily Posts (孙亚, 苟迪聪. 中国企业海外社交媒体传播的符际融合隐喻-以#CNPCfamily 推文为例) [Электронный ресурс] // Japanese Language Learning and Research (日语学习与研究). – 2026. – No. 4 (245). – P. 28–40. – DOI: 10.13508/j.cnki.jsr.2026.04.005. – URL: <https://xyx.cbpt.cnki.net/portal/journal/portal/client/paper/2213a72e643ae8236db06845f401aaed> (дата обращения: 02.09.2026).
6. Voorveld H. A. M., van Noort G., Muntinga D. G., Bronner F. Engagement with Social Media and Social Media Advertising: The Differentiating Role of Platform Type [Электронный ресурс] // Journal of Advertising. – 2018. – Vol. 47, no. 1. – P. 38–54. – DOI:

10.1080/00913367.2017.1405754. - URL:
<https://doi.org/10.1080/00913367.2017.1405754> (дата обращения: 03.09.2026).

7. Wan M., Wang S., Wang J. Presence of China's New Quality Productivity in the World: Co-construction of Chinese Technology Brands' Discourse on Overseas Social Media (万木春, 王思婕, 王涓溪. 中国新质生产力的世界“在场”：中国科技品牌海外社交媒体话语共建) [Электронный ресурс] // Journal of North University of China (Social Science Edition) (中北大学学报 (社会科学版)). - 2025. - Vol. 41, no. 4. - P. 46-56. - DOI: 10.62756/xbsk.1673-1646.2025079. - URL: <https://cjournal.hep.com.cn/1673-1646/CN/1200838554126046205> (дата обращения: 04.09.2026).

8. Wang B., Zhao S. Research on Brand Image Shaping of Cross-Border E-Commerce Based on Grounded Theory (王保鲁, 赵思卓. 基于扎根理论的跨境电商品牌形象塑造研究) [Электронный ресурс] // Silk (丝绸). - 2024. - Vol. 61, no. 5. - P. 16-24. - DOI: 10.3969/j.issn.1001-7003.2024.05.003. - URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/sichou202405003> (дата обращения: 05.09.2026).

9. Yuan S., Tian M. Analysis of Communication Power of Chinese Enterprises in Overseas Social Media (袁胜, 田苗. 中国企业海外社交媒体传播力分析) [Электронный ресурс] // Media (传媒). - 2024. - No. 13. - P. 47-50. - URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_28285017 (дата обращения: 06.09.2026).

УДК 323(575.3)

**Курбонзода З.М., Валиев Н.Ш., Ахмадов Ф.М., Мариншоев М.М., Дайхудо В.,
Марджонаи Ш. К 35-летию государственной независимости Таджикистана:
инициатива Республики Таджикистан по учреждению международного дня
безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного
интеллекта в контексте глобального управления искусственным интеллектом**

**On the 35th anniversary of the state independence of Tajikistan: the initiative of the Republic of
Tajikistan to establish the international day of safe, secure and trustworthy artificial intelligence
in the context of global ai governance**

Курбонзода Зульфия Махмаднаби

Проректор по стратегическому развитию и управлению качеством
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
доктор политических наук, профессор

Валиев Низомиддин Шаробудинович,

Ахмадов Фарваридин Муфазалович,

Мариншоев Мукбил Мунавваршоевич,

Дайхудо Вахдат,

Марджонаи Шариф

Управление по стратегическому развитию и менеджменту качеством
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
Qurbonzoda Zulfiya Mahmadvnabi

Vice-Rector for Strategic Development and Quality Management
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan

Doctor of Political Sciences, Professor

Valiev Nizomiddin Sharobudinovich,

Ahmadv Farvardin Mufazalovich,

Marinshoev Muqbil Munavvarshoevich,

DaiKhudo Vahdat, Marjonai Sharif

Department of Strategic Development and Quality Management
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan

***Аннотация.** Стремительное развитие искусственного интеллекта трансформирует экономические, социальные и политико-управленческие процессы и одновременно формирует принципиально новую сферу международного сотрудничества. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос создания инклюзивной системы глобального управления искусственным интеллектом, способной сочетать стимулирование инноваций с обеспечением безопасности, соблюдением прав человека, сокращением цифрового неравенства и расширением доступа развивающихся государств к преимуществам новых технологий. В статье анализируется инициатива Республики Таджикистан по учреждению Международного дня безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта, закрепленная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/80/302 от 31 августа 2026 года. Рассматривается ее место в эволюции глобального управления искусственным интеллектом, взаимосвязь с Глобальным цифровым договором, деятельностью Независимой международной научной группы по искусственному интеллекту и Глобального диалога по вопросам управления искусственным интеллектом. Особое внимание уделено преемственности между национальной политикой Таджикистана в области искусственного интеллекта, региональной инициативой*

страны, получившей отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/79/322, и последующим продвижением вопросов безопасного и инклюзивного искусственного интеллекта на глобальном уровне. Обосновывается положение о том, что инициатива Таджикистана отражает переход от преимущественно национального освоения цифровых технологий к активному участию государства в формировании международной технологической повестки. В контексте 35-летия Государственной независимости данный процесс рассматривается как одно из проявлений укрепления субъектности Республики Таджикистан в современной системе многостороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Государственная независимость, искусственный интеллект, глобальное управление, Организация Объединенных Наций, цифровая дипломатия, международное сотрудничество, устойчивое развитие, цифровое неравенство, безопасность искусственного интеллекта, Глобальный цифровой договор.

Abstract. The rapid development of artificial intelligence is transforming economic, social, political, and governance processes while simultaneously creating a fundamentally new sphere of international cooperation. Under these conditions, the establishment of an inclusive system of global artificial intelligence governance capable of combining the promotion of innovation with ensuring safety and security, protecting human rights, reducing the digital divide, and expanding developing countries' access to the benefits of emerging technologies is becoming increasingly important. This article analyzes the initiative of the Republic of Tajikistan to establish the International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence, enshrined in United Nations General Assembly Resolution A/RES/80/302 of 31 August 2026. It examines the initiative's place in the evolution of global artificial intelligence governance and its relationship with the Global Digital Compact, the activities of the Independent International Scientific Panel on Artificial Intelligence, and the Global Dialogue on Artificial Intelligence Governance. Particular attention is paid to the continuity between Tajikistan's national policy in the field of artificial intelligence, the country's regional initiative reflected in United Nations General Assembly Resolution A/RES/79/322, and the subsequent advancement of safe and inclusive artificial intelligence at the global level. The article substantiates the argument that Tajikistan's initiative reflects a transition from the predominantly national adoption and development of digital technologies toward the country's active participation in shaping the international technological agenda. In the context of the 35th anniversary of State Independence, this process is considered one of the manifestations of the strengthening of the Republic of Tajikistan's agency within the contemporary system of multilateral cooperation.

Keywords: Republic of Tajikistan, State Independence, artificial intelligence, global governance, United Nations, digital diplomacy, international cooperation, sustainable development, digital divide, artificial intelligence safety and security, Global Digital Compact.

Тридцать пять лет Государственной независимости Республики Таджикистан представляют собой исторический период, в течение которого страна прошла сложный путь формирования и укрепления современной государственности, национальных институтов и собственного внешнеполитического курса. Одним из важных показателей зрелости независимого государства становится не только его участие в международных отношениях, но и способность формировать предложения, которые получают поддержку международного сообщества и включаются в глобальную повестку.

За годы независимости международные инициативы Таджикистана получили наиболее заметное развитие в сферах водной дипломатии, сохранения ледников, климатической проблематики, устойчивого развития и международной безопасности. В последние годы к этим направлениям добавляется новая сфера как международное

сотрудничество в области цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Важной предпосылкой последующей глобальной инициативы Республики Таджикистан стало продвижение вопросов искусственного интеллекта на региональном уровне. 25 июля 2025 года Генеральная Ассамблея ООН без голосования приняла резолюцию A/RES/79/322 «Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии», проект которой был представлен Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Документ закрепил значимость безопасного, ответственного и инклюзивного использования искусственного интеллекта для достижения Целей устойчивого развития, сокращения цифрового разрыва, укрепления научно-технологического потенциала и расширения международного сотрудничества в Центральной Азии. Особое значение для Таджикистана имело отражение в резолюции инициативы по созданию Регионального центра искусственного интеллекта в Душанбе, призванного содействовать обмену знаниями, развитию кадрового потенциала и формированию региональной платформы сотрудничества в сфере ИИ. Таким образом, резолюция A/RES/79/322 стала важным этапом перехода от национальной политики Таджикистана в области искусственного интеллекта к формированию региональной, а впоследствии и глобальной повестки в данной сфере.

Особую значимость в данном контексте приобрело решение Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 31 августа 2026 года. На 109-м пленарном заседании восьмидесятой сессии Генеральная Ассамблея рассмотрела инициированный Республикой Таджикистан проект A/80/L.106 и приняла резолюцию A/RES/80/302 «Международный день безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта». За документ проголосовали 144 государства, два государства выступили против и три воздержались. В соответствии с резолюцией начиная с 2027 года 31 августа ежегодно будет отмечаться как Международный день безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта [1].

Принятие документа именно в преддверии 35-летия Государственной независимости Таджикистана придает событию дополнительное политико-символическое значение. Вместе с тем научный анализ данной инициативы не должен ограничиваться ее юбилейным измерением. Гораздо важнее определить ее место в формирующейся международной архитектуре управления искусственным интеллектом и выявить те направления глобального сотрудничества, на развитие которых она потенциально способна влиять.

Искусственный интеллект как новый объект глобального управления.
Распространение искусственного интеллекта принципиально изменяет характер цифровой

трансформации. Если на предыдущих этапах международного сотрудничества основное внимание уделялось вопросам доступа к Интернету, развитию телекоммуникационной инфраструктуры, электронной коммерции, защите данных и кибербезопасности, то современный этап связан с системами, способными самостоятельно обрабатывать огромные объемы информации, генерировать контент, выявлять закономерности, обеспечивать автоматизацию интеллектуального труда и влиять на процессы принятия решений.

ИИ создает значительные возможности для образования, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства, науки, государственного управления и предпринимательства. Одновременно его использование связано с целым комплексом рисков: нарушением конфиденциальности, алгоритмической дискриминацией, распространением недостоверной информации, созданием синтетического контента, уязвимостью информационных систем, непрозрачностью автоматизированного принятия решений и возможностью углубления технологического неравенства.

Именно сочетание трансграничного характера технологии и неравномерности доступа к ней превращает искусственный интеллект из исключительно научно-технической проблемы в предмет международного управления.

Принципиальный шаг в формировании глобального нормативного подхода был сделан в 2021 году, когда государства-члены ЮНЕСКО приняли Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта. Документ закрепил человекоцентричный подход, подчеркнув значение человеческого достоинства, прав и свобод, прозрачности, справедливости, ответственности и человеческого контроля над системами ИИ [2].

21 марта 2024 года Генеральная Ассамблея ООН без голосования приняла резолюцию A/RES/78/265 «Использование возможностей безопасных, защищенных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». Тем самым вопросы ИИ окончательно вошли в универсальную повестку Генеральной Ассамблеи. В документе была подчеркнута особая роль ООН в достижении глобального консенсуса относительно безопасного, защищенного и заслуживающего доверия ИИ при соблюдении международного права и обеспечении участия развивающихся государств [3].

Следующим этапом стала резолюция A/RES/78/311 от 1 июля 2024 года об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта. Ее появление отражало осознание того, что создание международных принципов само по себе недостаточно: государства существенно различаются по уровню цифровой инфраструктуры, вычислительных ресурсов, кадрового потенциала и способности внедрять современные модели ИИ [4].

Уже к середине 2020-х годов глобальная дискуссия об искусственном интеллекте

стала развиваться одновременно в нескольких взаимосвязанных измерениях: безопасность технологий, права человека, устойчивое развитие, научная оценка рисков, международная координация и сокращение технологического неравенства.

Глобальный цифровой договор и институционализация управления искусственным интеллектом. Качественно новый этап был связан с принятием в сентябре 2024 года Пакта во имя будущего и его приложения – Глобального цифрового договора. В нем государства подтвердили необходимость формирования открытого, безопасного и инклюзивного цифрового будущего и определили ряд конкретных направлений сотрудничества в сфере искусственного интеллекта.

Глобальный цифровой договор предусматривает развитие совместного понимания возможностей и последствий ИИ, повышение совместимости различных подходов к его регулированию, поддержку развивающихся государств в получении доступа к технологиям и развитие прозрачности, подотчетности и эффективного человеческого контроля. Одновременно было принято решение о создании Независимой международной научной группы по искусственному интеллекту и запуске Глобального диалога по вопросам управления ИИ [5].

26 августа 2025 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию A/RES/79/325, определившую порядок работы этих двух механизмов. Независимая международная научная группа получила мандат на проведение основанных на научных данных оценок возможностей, рисков и последствий искусственного интеллекта. Глобальный диалог, в свою очередь, был сформирован как универсальная площадка для обсуждения государствами и другими заинтересованными сторонами вопросов международного управления ИИ [6].

В феврале 2026 года Генеральная Ассамблея назначила 40 членов Независимой международной научной группы сроком на три года. В ее состав вошли специалисты из различных регионов и профессиональных сфер, а одной из основных задач стало формирование общей доказательной базы, которая позволит государствам участвовать в международной дискуссии об искусственном интеллекте независимо от уровня их собственного технологического потенциала [7].

6-7 июля 2026 года в Женеве состоялась первая сессия Глобального диалога по вопросам управления искусственным интеллектом. Согласно данным ООН, мероприятие собрало представителей почти 170 государств – членов Организации, а также международных организаций, частного сектора, академического сообщества, гражданского общества и технических кругов. Тем самым международная система управления ИИ стала приобретать устойчивые институциональные формы [8].

Именно в эту формирующуюся систему и была встроена новая инициатива Таджикистана, предложенная всего через несколько недель после первого полноценного

Глобального диалога.

От национальной стратегии к международной инициативе Таджикистана. Особенность позиции Республики Таджикистан заключается в том, что продвижение вопросов ИИ на международном уровне осуществлялось параллельно с формированием внутренней стратегической базы.

30 сентября 2022 года постановлением Правительства Республики Таджикистан № 483 была утверждена Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года. В документе искусственный интеллект рассматривается как важный компонент социально-экономического и технологического развития страны, а его внедрение увязывается с ускоренной индустриализацией, цифровизацией, развитием человеческого капитала и применением современных информационно-коммуникационных технологий. В 2025 году стратегия была актуализирована [9].

Важным продолжением национальной политики стал перенос проблематики искусственного интеллекта на региональный уровень. 25 июля 2025 года Генеральная Ассамблея ООН без голосования приняла резолюцию A/RES/79/322 «Роль искусственного интеллекта в создании новых возможностей для устойчивого развития в Центральной Азии». Документ был представлен пятью государствами Центральной Азии и получил широкое дополнительное соавторство государств из различных регионов мира [10].

Содержательно резолюция 79/322 представляет особый интерес. В ней проблематика ИИ рассматривается через призму не только технологического развития, но и сокращения цифрового разрыва, подготовки кадров, доступа к вычислительным ресурсам, международного научного сотрудничества, поддержки малого и среднего предпринимательства, обмена технологиями на взаимосогласованных условиях и формирования потенциала развивающихся стран.

Отдельно в резолюции отмечена инициатива создания Регионального центра искусственного интеллекта в Душанбе. Государствам Центральной Азии рекомендуется развивать национальные и региональные механизмы ответственного и инклюзивного применения ИИ, а международному сообществу расширять партнерства в сфере образования, подготовки кадров, доступа к открытым моделям, данным и вычислительным ресурсам [11].

Таким образом, формируется последовательная трехуровневая модель:

- национальный уровень – формирование собственной стратегии развития искусственного интеллекта;
- региональный уровень – продвижение сотрудничества государств Центральной Азии и идеи регионального центра ИИ в Душанбе;

- глобальный уровень – инициирование международного механизма, ориентированного на регулярный мировой диалог по вопросам безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта.

Именно эта последовательность позволяет рассматривать резолюцию 80/302 не как изолированную дипломатическую акцию, а как дальнейшее развитие сформировавшегося направления внешней политики Республики Таджикистан.

Резолюция A/RES/80/302: содержание и международное значение. При представлении проекта A/80/L.106 на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи представитель Таджикистана непосредственно связал новую инициативу с Глобальным цифровым договором и резолюцией 79/322. Было обращено внимание на то, что многие развивающиеся государства сталкиваются с недостатком цифровой инфраструктуры, связи, профессиональных навыков, образования, экспертизы и человеческого потенциала. Эти различия способны усиливать уже существующее цифровое неравенство и формировать новый, более сложный феномен как глобальный разрыв в сфере искусственного интеллекта.

Поэтому содержательная логика резолюции выходит далеко за рамки учреждения календарной даты.

Во-первых, она связывает развитие безопасного ИИ с наращиванием национального и регионального потенциала.

Во-вторых, акцентируется необходимость международных партнерств в сфере образования и профессиональной подготовки.

В-третьих, речь идет о расширении доступа к технологическим ресурсам, включая открытые модели и системы ИИ, данные для обучения и вычислительные возможности.

В-четвертых, подчеркивается необходимость полноценного участия развивающихся государств в процессах, связанных с формированием будущего искусственного интеллекта.

В-пятых, предусматривается взаимодействие не только государств, но и других участников: международных организаций, научного сообщества, частного сектора и образовательных структур.

В резолюции содержится обращение к организациям, программам и фондам системы ООН с предложением оказывать государствам содействие в разработке программ наращивания потенциала в области ИИ. К поддержке ежегодного проведения Международного дня в пределах их соответствующих мандатов приглашены Международный союз электросвязи, Управление ООН по цифровым и новым технологиям, Банк технологий ООН для наименее развитых стран и ЮНЕСКО [1].

Существенным является и выбор даты – 31 августа. В 1955 году именно 31 августа было представлено предложение о проведении Дартмутского летнего исследовательского проекта по искусственному интеллекту, с которым традиционно связывается становление

искусственного интеллекта как самостоятельной области научных исследований и введение самого термина *artificial intelligence*. Таким образом, новая международная дата соединяет историю возникновения научного направления с современной необходимостью определения принципов его ответственного развития.

Международный день как инструмент глобального управления. Международные дни ООН иногда воспринимаются исключительно как символические памятные даты. Однако их значение во многом определяется конкретным содержанием и механизмами реализации.

В случае искусственного интеллекта ежегодная международная дата способна выполнять как минимум четыре взаимосвязанные функции.

Первая – коммуникационная. Она позволяет регулярно концентрировать внимание международного сообщества на вопросах безопасности, надежности, доверия и социального воздействия искусственного интеллекта.

Вторая – образовательная. Проведение конференций, учебных курсов, семинаров и профессиональных мероприятий может способствовать формированию компетенций в государствах, где собственная технологическая инфраструктура и кадровая база находятся на стадии развития.

Третья – координационная. Международный день создает дополнительную точку взаимодействия между государствами, системой ООН, академическими организациями, технологическими компаниями и гражданским обществом.

Четвертая – инклюзивная. Регулярное проведение мероприятий по всему миру способно расширять участие тех стран и сообществ, которые пока недостаточно представлены в основных центрах разработки и регулирования искусственного интеллекта.

В этом заключается одно из наиболее значимых направлений инициативы Таджикистана. Глобальное управление ИИ не может быть устойчивым, если основные решения будут формироваться исключительно ограниченным кругом технологически наиболее развитых государств и транснациональных корпораций. Универсальный характер воздействия искусственного интеллекта предполагает более широкое участие государств с различными уровнями экономического и цифрового развития.

Следовательно, вопрос технологического неравенства приобретает не только экономическое, но и политико-институциональное значение: государство, не имеющее достаточного доступа к технологиям, данным, вычислительной инфраструктуре и научной экспертизе, рискует оказаться не только потребителем внешних технологических решений, но и слабопредставленным участником формирования правил их применения.

Именно поэтому ориентация на наращивание потенциала развивающихся государств является одной из ключевых точек соприкосновения резолюции 80/302 с современной архитектурой глобального управления искусственным интеллектом.

«Безопасный, защищенный и заслуживающий доверия ИИ» как новая международная нормативная формула. Особого внимания заслуживает терминология документа. Понятия *safe, secure and trustworthy artificial intelligence* отражают три взаимосвязанных, но не полностью совпадающих направления.

1. Безопасность предполагает минимизацию рисков причинения ущерба человеку, обществу и окружающей среде в процессе создания и применения систем ИИ.
2. Защищенность включает устойчивость технологических систем к несанкционированному вмешательству, кибератакам, манипуляциям, утечкам информации и иным угрозам информационной безопасности.
3. Заслуживающий доверия характер предполагает более широкий институционально-этический контекст: прозрачность, подотчетность, справедливость, соблюдение прав человека, возможность проверки решений и сохранение содержательного человеческого контроля.

Сочетание этих трех компонентов означает, что международное сообщество постепенно переходит от вопроса «как развивать искусственный интеллект» к более сложному вопросу – «какой искусственный интеллект должен развиваться и на каких условиях».

Эта трансформация имеет фундаментальное значение для системы глобального управления. Регулирование ИИ не должно сводиться к созданию ограничений. Его задача состоит в поиске баланса между инновационностью и ответственностью, технологическим развитием и защитой общества, национальными интересами и трансграничным характером цифровых технологий. Именно подобная логика прослеживается в Глобальном цифровом договоре, резолюциях 78/265 и 79/325 и деятельности Глобального диалога по вопросам управления ИИ. Инициатива Таджикистана вписывается в данный нормативный ряд, усиливая его практическое измерение через образование, обмен опытом, международные партнерства и формирование потенциала.

Значение инициативы для развивающихся государств и Центральной Азии. Для развивающихся государств вопрос участия в мировой трансформации искусственного интеллекта имеет стратегическое значение. Современные системы ИИ требуют не только программного обеспечения. Необходимы центры обработки данных, стабильная энергетическая и телекоммуникационная инфраструктура, качественные наборы данных, национальные языковые ресурсы, научные школы, подготовленные специалисты и значительные инвестиции.

При отсутствии этих компонентов возникает риск новой формы глобальной зависимости, при которой значительная часть стран будет использовать продукты и модели, созданные за пределами их юрисдикции, без достаточного влияния на технологические

стандарты, архитектуру данных и правила функционирования соответствующих систем.

По этой причине вопросы доступа к ИИ тесно связаны с проблематикой национального суверенитета, экономической конкурентоспособности, образования и устойчивого развития.

Для Центральной Азии международное сотрудничество может частично компенсировать ограниченность национальных рынков и ресурсов. Совместные образовательные программы, научные исследования, региональные базы данных, технологические площадки и обмен опытом способны создавать эффект масштаба, который значительно сложнее обеспечить исключительно на национальном уровне.

Инициатива о создании Регионального центра искусственного интеллекта в Душанбе приобретает в этом контексте практическое значение. Такой центр потенциально может выступать платформой для исследовательских проектов, подготовки кадров, поддержки технологического предпринимательства и формирования региональной экспертизы.

В сентябре 2025 года Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон на общих прениях 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН подчеркнул значение принятой резолюции 79/322 для безопасного и справедливого использования искусственного интеллекта в регионе и отметил целесообразность создания Регионального центра ИИ в Душанбе [12]. Следовательно, международная инициатива 2026 года логично развивает уже обозначенный Таджикистаном подход: ИИ рассматривается одновременно как источник инноваций, инструмент достижения устойчивого развития и область, требующая международного сотрудничества и механизмов доверия.

Инициатива в контексте 35-летия Государственной независимости Таджикистана. Связь рассматриваемой инициативы с 35-летием Государственной независимости имеет не только хронологический характер.

Независимость в современных международных отношениях проявляется, в том числе, в способности государства самостоятельно определять приоритеты развития, формировать институциональные компетенции и выдвигать предложения в международных организациях.

В первые десятилетия независимости для Таджикистана важнейшими задачами являлись укрепление государственности, обеспечение мира и стабильности, восстановление экономики и формирование международных связей. Современный этап характеризуется расширением тематики внешнеполитических инициатив – от вопросов воды, климата и сохранения ледников до цифровизации и искусственного интеллекта.

Это свидетельствует об изменении характера международной субъектности страны. Речь идет о постепенном переходе от участия в уже существующей международной повестке к выдвиганию собственных предложений, способных влиять на ее содержание.

В данном отношении инициатива 2026 года обладает особой спецификой. В отличие от традиционных направлений дипломатии, она касается технологии, развитие которой во многом будет определять экономическое, образовательное, научное и управленческое устройство последующих десятилетий.

Тем самым Республика Таджикистан позиционирует себя не только в рамках традиционной международной проблематики, но и в дискуссиях, непосредственно связанных с будущей архитектурой глобального развития.

Именно этот аспект позволяет рассматривать принятие резолюции A/RES/80/302 в преддверии 35-летия независимости в качестве показателя расширения тематических и институциональных возможностей таджикской многосторонней дипломатии.

Значение резолюции будет во многом зависеть от того, насколько ее положения получат практическое продолжение.

Для Республики Таджикистан перспективными представляются несколько направлений.

Прежде всего, речь идет о развитии образовательных программ и подготовки кадров. Международный день может использоваться университетами и исследовательскими учреждениями не только для проведения конференций, но и для запуска практических образовательных проектов в области ИИ, анализа данных, кибербезопасности и цифровой этики.

Вторым направлением является развитие исследовательского сотрудничества. Для государства с формирующейся научно-технологической экосистемой международные университетские и лабораторные партнерства позволяют получить доступ к компетенциям, которые невозможно быстро создать исключительно национальными силами.

Третье направление связано с языковым и культурным измерением ИИ. Развитие цифровых ресурсов на таджикском языке, создание качественных корпусов данных и участие национального научного сообщества в разработке языковых технологий являются важным условием сохранения культурного разнообразия в цифровой среде.

Четвертым направлением является государственное управление. Использование ИИ в государственных услугах способно повысить эффективность и доступность административных процессов, однако требует формирования механизмов защиты персональных данных, алгоритмической прозрачности и ответственности.

Пятым направлением выступает региональное сотрудничество. Практическая реализация идеи Регионального центра искусственного интеллекта в Душанбе могла бы превратить Таджикистан в одну из площадок центральноазиатского научно-технологического взаимодействия.

Наконец, принципиальное значение имеет непосредственное участие представителей Таджикистана и Центральной Азии в Глобальном диалоге по вопросам

управления искусственным интеллектом, научных экспертных сетях и международных процессах выработки стандартов.

Только при сочетании международной дипломатической инициативы с развитием собственной научной, образовательной и технологической базы возможно превращение нормативной повестки в фактор долгосрочного развития.

Научно-политическое значение данной инициативы определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, она была выдвинута в период ускоренной институционализации глобального управления искусственным интеллектом, когда в системе ООН уже сформированы Глобальный цифровой договор, Независимая международная научная группа по ИИ и Глобальный диалог по вопросам управления искусственным интеллектом.

Во-вторых, инициатива развивает проблематику сокращения цифрового и технологического неравенства и акцентирует необходимость полноценного участия развивающихся государств в глобальной трансформации ИИ.

В-третьих, прослеживается последовательная взаимосвязь между национальной Стратегией развития искусственного интеллекта Республики Таджикистан до 2040 года, региональной резолюцией A/RES/79/322 и последующей глобальной инициативой 2026 года. В совокупности эти шаги формируют модель «национальное развитие-региональное сотрудничество- глобальная инициатива».

В-четвертых, учреждение Международного дня создает постоянно действующую платформу, которая может использоваться для образования, наращивания технологического потенциала, научного обмена, формирования партнерств и повышения международной осведомленности о принципах ответственного применения ИИ.

Наконец, в контексте 35-летия Государственной независимости Республики Таджикистан принятие резолюции демонстрирует расширение сферы международной инициативности страны. За три с половиной десятилетия Таджикистан прошел путь от формирования институтов независимой государственности до участия в выработке международных подходов к одной из наиболее сложных и перспективных проблем XXI века.

При этом долгосрочная ценность инициативы будет определяться не самим фактом появления новой международной даты, а тем, насколько она сможет способствовать практическому сотрудничеству, развитию человеческого капитала, сокращению технологического разрыва и формированию такого искусственного интеллекта, который сочетает инновационность с безопасностью, технологическую эффективность – с ответственностью, а глобальный прогресс – с интересами человека.

В этом заключается более широкий смысл инициативы Республики Таджикистан: глобальное управление искусственным интеллектом должно формироваться не как

исключительная компетенция ограниченного числа технологических центров, а как инклюзивный международный процесс, в котором каждое государство получает возможность не только пользоваться результатами цифровой трансформации, но и участвовать в определении принципов ее будущего развития.

Библиографический список

1. United Nations General Assembly. *International Day of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence: Resolution A/RES/80/302*. Adopted on 31 August 2026. – New York: United Nations, 2026. – Text: electronic. – URL: UN General Assembly – Resolutions of the 80th Session (accessed: 08.09.2026).
2. UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Adopted by the General Conference of UNESCO at its 41st session on 23 November 2021. – Paris: UNESCO, 2022. – Text: electronic. – URL: UNESCO Digital Library – Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (accessed: 14.08.2026).
3. United Nations General Assembly. *Seizing the Opportunities of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence Systems for Sustainable Development: Resolution A/RES/78/265*. Adopted on 21 March 2024. – New York: United Nations, 2024. – 8 p. – Text: electronic. – URL: United Nations Digital Library – A/RES/78/265 (accessed: 15.08.2026).
4. United Nations General Assembly. *Enhancing International Cooperation on Capacity-building of Artificial Intelligence: Resolution A/RES/78/311*. Adopted on 1 July 2024. – New York: United Nations, 2024. – 5 p. – Text: electronic. – URL: United Nations Digital Library – A/RES/78/311 (accessed: 18.08.2026).
5. United Nations General Assembly. *The Pact for the Future: Resolution A/RES/79/1. Annex I: Global Digital Compact*. Adopted on 22 September 2024. – New York: United Nations, 2024. – 56 p. – Text: electronic. – URL: United Nations Digital Library – A/RES/79/1 (accessed: 18.08.2026).
6. United Nations General Assembly. *Terms of Reference and Modalities for the Establishment and Functioning of the Independent International Scientific Panel on Artificial Intelligence and the Global Dialogue on Artificial Intelligence Governance: Resolution A/RES/79/325*. Adopted on 26 August 2025. – New York: United Nations, 2025. – 4 p. – Text: electronic. – URL: United Nations Digital Library – A/RES/79/325 (accessed: 08.09.2026).
7. United Nations. *Independent International Scientific Panel on Artificial Intelligence*. – Text: electronic // United Nations. – URL: Independent International Scientific Panel on AI – Official UN Website (accessed: 26.08.2026).

8. United Nations. *Global Dialogue on Artificial Intelligence Governance. First Session, Geneva, 6–7 July 2026*. – Text: electronic // United Nations. – URL: Global Dialogue on AI Governance – Official UN Website (accessed: 18.08.2026).

9. Правительство Республики Таджикистан. *Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 года № 483; в редакции постановления Правительства Республики Таджикистан от 31 января 2025 года № 83*. – Душанбе, 2022–2025. – Текст: электронный // ADLIA: Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан. – URL: ADLIA – Стратегия развития искусственного интеллекта до 2040 года (дата обращения: 08.09.2026).

10. United Nations General Assembly. *Role of Artificial Intelligence in Creating New Opportunities for Sustainable Development in Central Asia: Resolution A/RES/79/322*. Adopted on 25 July 2025. – New York: United Nations, 2025. – 4 p. – Text: electronic. – URL: United Nations Digital Library – A/RES/79/322 (accessed: 08.09.2026).

11. Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. *Принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о Международном дне безопасного, защищенного и заслуживающего доверия искусственного интеллекта*. 1 сентября 2026 года. – Текст: электронный // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. – URL: МИД Республики Таджикистан – официальный материал (дата обращения: 08.09.2026).

12. Президент Республики Таджикистан. *Выступление на общих прениях 80-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций*. Нью-Йорк, 23 сентября 2025 года. – Текст: электронный // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: Официальный сайт Президента Республики Таджикистан – выступление на 80-й сессии ГА ООН (дата обращения: 08.09.2026).

СЕКЦИЯ 2. ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО

УДК 331.2

Арзубова А.А., Щепунов Е.А. Языковые компетенции на рынке труда и их влияние на уровень заработной платы (на примере Архангельской области)

**Language Competencies in the Labor Market and Their Impact on Wages
(using the Arkhangelsk Region as an example)**

Арзубова Алиса Алексеевна

студентка 1 курса Северного (Арктического) федерального университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск

Щепунов Евгений Александрович

студент 1 курса Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
Научный руководитель

Андреанова Е.В. к.э.н., доцент кафедры

гражданского
и финансового права Северного (Арктического) федерального
университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Arzubova Alisa Alekseevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Schepunov Evgeniy Aleksandrovich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk

Andrianova Elena Vladimirovna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Аннотация. В условиях глобализации знание английского языка оказывает большое влияние при трудоустройстве. Архангельская область, играя важную роль в экономике северо-западной части России, также попадает под условия современной интеграции. Цель исследования показать, используя статистические данные, как владение английским языком влияет на размер заработной платы работников на рынке труда в регионе.

Ключевые слова: английский язык, заработная плата, вакансии, рынок труда, трудоустройство.

Abstract. In a globalized world, English language proficiency has a significant impact on employment. The Arkhangelsk Region, playing a key role in the economy of northwestern Russia, is also affected by this modern integration. Using statistical data, this study aims to demonstrate how English proficiency influences wages in the region's labor market.

Keywords: English language, wages, jobs, labor market, employment.

На сегодняшний день влияние английского языка на рынок труда играет большую роль. Его изучение начинается ещё с малых лет: в школе предмет иностранного входит в список обязательных, что позволяет ученикам понять его важность и необходимость в современном мире. В условиях глобализации и интеграции почти все международные

конференции, контракты и соглашения реализуются на уровне международного языка. Исходя из этой информации, нельзя не упомянуть языковые компетенции на рынке труда, где происходит взаимосвязь между спросом и предложением каждый день.

Архангельск – важнейший экономический город Российской Федерации. Здесь находятся крупные лесозаводы, производится строительство судов военного и промышленного назначения, осуществляется импорт и экспорт товаров благодаря порту Архангельск.

В 2025 году hh.ru и онлайн-школа английского языка Skyeng провели совместное исследование влияния английского языка на уровень дохода россиян. Выяснилось, что знание английского увеличивает заработную плату в среднем на 15%. Наибольшая ожидаемая зарплата у специалистов со знанием английского языка в высшем менеджменте и в сфере безопасности – на 40% выше, чем в вакансиях без этого требования, в IT английский язык добавит в вашу копилку 35% профита, в PR/маркетинге – 32%, сфера науки и образования приумножит вашу прибыль на 30% [1].

Что касается Архангельска, то многих сотрудников различных сфер не устраивает уровень заработной платы на рынке труда. Об этом может свидетельствовать опрос, проводимый с 5 по 12 мая среди работающих архангелогородцев. Около 49% работников были недовольны своим заработком, что стало основной причиной поиска нового работодателя. Многие горожане указали на отсутствие карьерных перспектив (11%) и желание сменить сферу деятельности (9%). Около 8% респондентов искали новое место из-за возможных сокращений, из них 7% – из-за проблем с руководством и условиями труда. Отсутствие гибкости в графике и неудобный маршрут до офиса назвали 3% и 6% соответственно [2].

Несмотря на это, на рынке труда Архангельска наиболее востребованы профессии, связанные с изучением иностранного языка. Международный язык имеет широкое распространение, поскольку встречается в вакансиях самых различных сфер: от логистики и морского транспорта до туризма, розничной торговли и бюджетных учреждений. Даже там, где международная деятельность не является основной, работодатели часто указывают знание английского как дополнение. Но если учитывать знание иностранного языка (английского), как дополнительное условие при трудоустройстве на одну и ту же специальность, то разница в заработной плате становится весьма заметной.

Таблица 1.

Размер заработной платы со знанием английского и без него

Профессия	Со знанием английского языка	Без знания английского языка
Менеджер по продажам(B2B)	69 000 – 110 000 Р (IT-компания «СпутникСервис», работа с корпоративными клиентами)	40 000 – 70 000 Р
Программист- разработчик	от 75 000 Р до 300.000Р (Архангельский ЦБК, чтение технической документации)	34 500 – 69 000 Р (средняя по IT-сфере в Архангельске)
Бухгалтер	60 000 – 80 000 Р (Специалисты с МСФО)	54 000 – 70 000 Р
Администратор (отель или офис)	43 000 – 47 000 Р (работа с иностранными гостями)	30 000 – 47 000 Р

Анализ показал, что действующий размер заработной платы у работников рынка труда Архангельска различных профессий при условии владения языковыми компетенциями значительно выше, чем при его отсутствии.

В данном исследовании было обработано около 100 вакансий. Специальности были взяты из различных сфер рынка труда, что позволяет отметить, что влияние иностранного языка не только базируется на узкоспециализированных направлениях, но и в других не менее важных сферах.

Можно отметить, условие наличия владения иностранным языком на рынке труда Архангельска значительно оказывает влияние на уровень заработной платы.

К примеру, менеджер по продажам B2B (Business to Business) со знанием английского языка имеет заработную плату в размере 69 000 – 110 000Р (с корп. клиентами), тогда как уровень дохода менеджера без знания английского языка составляет 40 000 – 70 000Р. Если взять среднее значение от данных диапазонов, то можно рассчитать их денежное и процентное соотношение.

$$1. \quad \frac{69.000 + 110.000}{2} - \frac{40.000 + 70.000}{2} = 34500 - \text{разница в руб.}$$

$$2. \quad \begin{aligned} &69.000 + 110.000 / 2 = 89500 - 100\% \\ &40.000 + 70.000 / 2 = 55000 - x \% \\ &55.000 * 100 / 89 500 = 61,45 \text{ (прибл.)} - \text{к. во } \% \\ &100\% - 61, 45\% = 38, 55\% - \text{разница заработных} \\ &\text{плат в процентах} \end{aligned}$$

Уровень заработной платы менеджера, владеющим английским языком, больше уровня заработной платы менеджера без знания английского на 34500 Р и, что составляет

38,55%. Такую разницу можно объяснить, тем что менеджер со знанием иностранного языка чаще всего нужен для участия во внешнеторговой деятельности. Он специализируется на работе с корпоративными клиентами (другими компаниями), куда входят задачи по проведению презентаций, демонстрации продуктов и обсуждению условий контрактов в рамках международного языка.

Программист – разработчик со знанием иностранного языка получает от 75.000Р до 300.000Р, без знания – 34.500 – 69.000Р.

1.
$$\frac{75.000 + 300.000}{2} - \frac{34.500 + 69.000}{2} = 135.750 - \text{разница в рублях}$$
2.
$$\begin{aligned} 75.000 + 300.000/2 &= 187.500 - 100\% \\ 34.500 + 69.000/2 &= 51.750 - x \% \\ 51.750 * 100/187.500 &= 27,6 \% - \text{к. во } \% \\ 100\% - 27,6\% &= 72,4 \% - \text{разница в } \% \end{aligned}$$

Как можно заметить, разница составляет 135.750Р и 72,4%. Это можно объяснить тем, что для программиста – разработчика, владеющим английским языком, профессиональная деятельность может быть связана с работай в международных проектах и компаниях. Архангельский ЦБК является частью международного холдинга. Единственным акционером АЦБК является австрийский фонд «Циннер Приватштифтунг» (Zinner Privatstiftung), который получает регулярные отчёты о деятельности ЦБК [3]. В таких условиях, разработка удобных программ и различные технические задания, предназначенные для программистов-разработчиков, чаще всего осуществляются на английском языке.

Профессия бухгалтера на рынке труда Архангельска также предполагает некоторые изменения в уровне дохода в зависимости от знания иностранного языка. В первом случае уровень заработной платы колеблется от 60.000 до 80.000Р, во втором – от 54.000 до 70.000Р.

1.
$$\frac{60.000 + 80.000}{2} - \frac{54.000 + 70.000}{2} = 8.000 - \text{разница в руб.}$$
2.
$$\begin{aligned} 60.000 + 80.000/2 &= 70.000 - 100\% \\ 54.000 + 70.000/2 &= 62.000 - x \% \\ 62.000 * 100/70.000 &= 88, 57 \% (\text{приблиз.}) - \text{к. во } \% \\ 100\% - 88,57\% &= 11,43 \% - \text{разница в } \% \end{aligned}$$

Разницу в заработной плате можно объяснить тем, что специалисты по МСФО ведут отчеты по международным стандартам. Им тщательно нужно изучить, что требует иностранные инвесторы. Из-за этого, бухгалтерам по МСФО обязательно нужно знать английский язык. Введение отчетов по международным стандартам напрямую зависит от этого фактора.

Администратор отеля или офиса со знанием английского языка получает 43 000-47 000Р при условии работы с иностранными гражданами, без английского языка 30 000-45 000Р.

1.
$$\frac{43.000 + 47.000}{2} - \frac{30.000 + 45.000}{2} = 7.500 - \text{разница в руб.}$$
2.
$$\begin{aligned} 43.000 + 47.000/2 &= 45.000 - 100\% \\ 30.000 + 45.000/2 &= 37.500 - x\% \\ 37.500 * 100/45.000 &= 83,33\% (\text{приблиз.}) - \text{к. во } \% \\ 100\% - 83,33 \% &= 16,67\% - \text{разница в } \% \end{aligned}$$

Безусловно, говоря о профессии администратора, в данном случае, отеля или офиса, не стоит забывать про работу с иностранными клиентами. Архангельская область принимает многих туристов, в том числе и зарубежных. Для работы с гостями из-за рубежа сотрудники отелей и туристических мест должны владеть базовыми знаниями английского языка.

Также, большое внимание можно уделить такой теме как ВРП (валовой региональный продукт) Архангельской области. Он показывает суммарную стоимость всех товаров и услуг, создаваемых на территории региона за год. Согласно статистике, за 2025 год валовой региональный продукт Архангельской области составил 899 миллиардов рублей [4]. В основном, ключевыми отраслями развития экономики Архангельской области являются такие сферы, как лесопромышленный комплекс, целлюлозно-бумажное производство, судостроение, логистика, добыча полезных ископаемых.

Чаще всего, товары, производимые в данных сферах, идут на экспорт (дерево, бумага, суда, полезные ископаемые). Экспорт - важная часть международной торговли, которая подразумевает работу с иностранными партнерами, международными договорами, стандартами, отчетами.

Следовательно, такие профессии, как программист АЦБК, бухгалтер со знанием МСФО, менеджер по продажам B2B и так далее, являются важными для экономики Архангельской области, поэтому знание английского языка является не просто дополнением, а рабочим инструментом.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод. В Архангельске иностранный язык является востребованным среди разных профессий, а именно в сферах IT, международных отношениях, проектов с иностранными партнерами, торговли. Экономическая значимость иностранного языка подтверждается положительной статистикой на 2025 год.

Благодаря развитию международных отношений, увеличению числа иностранных партнеров и расширению внешнеэкономической деятельности, рынок труда Архангельской области в данном направлении имеет позитивные перспективы. Это приводит к устойчивому спросу на специалистов, обладающих языковыми компетенциями. В результате, владение иностранным языком становится ключевым фактором конкурентоспособности на местном рынке труда, способствуя как профессиональному развитию, так и росту доходов специалистов из различных секторов экономики региона.

Библиографический список

1. Исследование онлайн школы Skyeng и платформы hh.ru – влияние английского языка на уровень доходов россиян. // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/05/30/inostrannii-yazik-kak-investitsiya-kak-znanie-angliiskogo-yazika-povishaet-dohod-na-1530 (дата обращения 01.08.2026)
2. Опрос Superjob – главные причины новой работы у работающих архангелогородцев // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://vk.com/wall-197335964_7366 (дата обращения 01.08.2026)
3. Единственный акционер АЦБК // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.dvinainform.ru/economy/2013/02/25/12721.html> (дата обращения 02.08.2026)
4. Рост ВРП на 2025 год Архангельской области // [Электронный ресурс] Режим доступа: [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://velsknews.ru/news-5082864-arhangelskaya-oblast-preodolela-stagnatsiyu-vrp-vyros-do-899-mlrd-rublej.html> (дата обращения 02.08.2026)
5. Вакансии профессий // [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://arkhangelsk.hh.ru> (дата обращения 01.08.2026)

УДК 33

**Ушхо Асиет. Повышение инвестиционной привлекательности на основе
оценки межрегиональной дифференциации**

Enhancing investment attractiveness based on an assessment of interregional differentiation

Ушхо Асиет

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономики
Адыгейский Республиканский Институт гуманитарных исследований им. Т.М.Керашева
Ushkho Asiet
PhD in Economics, Senior Researcher, Economics
Department
Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerasheva

Аннотация. Изучение инвестиционного климата в регионах страны и путей его улучшения в настоящее время вызывает большой интерес. Одной из целей устойчивого развития является создание благоприятных условий для инвесторов. Комплексная трансформация российской экономики, опирающейся прежде всего, на прогрессивное развитие, объективно требует формирования соответствующей инвестиционной среды, роста вовлеченности и заинтересованности возможных партнеров в наращивании потенциала территорий, а также создания среды для привлечения средств, в частности, в производственный сектор. Улучшение инвестиционного климата способствует росту притока капиталовложений в регион, а это обусловит инновационное развитие и экономический рост региона, а также повышает уровень социального благополучия его народонаселения.

Ключевые слова: инновации, инновационный климат, элементы инновационного климата, социально-экономическое развитие, неравномерность инновационного развития регионов.

Abstract. The study of the investment climate in the country's regions and ways to improve it is currently attracting significant interest. Creating favorable conditions for investors is one of the goals of sustainable development. The comprehensive transformation of the Russian economy – driven primarily by progressive development – objectively necessitates the creation of an appropriate investment environment, increased engagement and interest from potential partners in boosting regional capacity, and the establishment of conditions to attract capital, particularly into the manufacturing sector. An improved investment climate fosters an increased inflow of capital into the region, which drives its innovative development and economic growth while also raising the level of social well-being for its population.

Keywords: innovations, innovation climate, elements of the innovation climate, socio-economic development, unevenness of regional innovation development.

Проблемы, связанные с неравномерностью пространственно-экономического развития и факторами роста в различных странах и регионах - в частности, с инновациями, - повышают интерес научного сообщества к изучению инновационного климата. Важность рассмотрения этого вопроса дополнительно подчеркивается необходимостью совершенствования экономической политики и мониторинга территориального развития в целях укрепления конкурентоспособности национальной экономики перед лицом новых вызовов. Однако между российскими регионами

наблюдается значительные различия в уровне прогрессивной активности и технологического развития. Существуют регионы-лидеры -такие как Москва и Санкт-Петербург, где сосредоточены высокотехнологичные компании, научно-исследовательские центры и венчурный капитал, что стимулирует стремительное развитие региональной инновационной экосистемы. В тоже время, многие регионов остаются на периферии инновационного процесса и сталкиваются с трудностями в привлечении инвестиций, нехваткой квалифицированных кадров, а также отсутствием инфраструктуры для поддержки научных исследований и внедрения новых технологий. Эта проблема обусловлена рядом факторов: от различий в экономическом потенциале и уровне региональной инфраструктурной до неравномерного распределения человеческого капитала и финансовых ресурсов, а также различиях в бюджетных возможностях регионов.

Регион не может быть привлекательным для инвесторов без развитой социальной инфраструктуры, поскольку она играет ключевую роль в создании благоприятных условий для жизни и работы. Система здравоохранения, образования, культуры, транспорта, напрямую влияет на качество жизни населения и привлечение квалифицированных специалистов. Развитая социальная инфраструктура способствует снижению социальной напряженности, уровня преступности и безработицы, создавая при этом стабильную и безопасную среду, необходимую для долгосрочных инвестиций. Инвесторы неизменно отдают предпочтение регионам, обладающим возможностью привлечения и удержания квалифицированных кадров, поскольку это повышает конкурентоспособность компаний.³¹

В число десяти лучших регионов по уровню качества жизни, как правило, входят те, для которых характерно материальное благополучие населения, потребления, а также развития сектора услуг. Регионы с низкой инвестиционной привлекательностью часто демонстрируют низкие значения показатели, их негативную тенденцию, высокий уровень безработицы. Между регионами охраняются значительные диспропорции в экономическом развитии. Многие из них по-прежнему сталкиваются с оттоком населения, особенно молодежи, что сдерживает экономическое развитие.

Инвестиционный климат регионов различен и отражает неоднородность социально-экономического развития регионов. Формирование сбалансированного инвестиционного поля является одной из целей экономического роста на федеральном уровне. В связи с этим устранение диспропорций в инвестиционной сфере являются приоритетным направлением. Решение может быть найдено путем создания системы управления инвестиционным климатом, включающей механизм выравнивания диспропорций в инвестиционной составляющей развития территорий.

³¹ Глоба С. Б., Березовая В. В., Зябликов Д. В. Исследование подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10. С. 382–386.

Вместе с тем усилия по обеспечению более сбалансированного распределения инвестиций между регионами не должны предприниматься в отрыве от решения задач в других сферах их развития – таких как промышленная, социальная, инновационная, а также бюджетно-налоговая политика. В этом контексте крайне важно максимально согласовать цели и задачи, а также инструменты реализации и мониторинга деятельности в данных сферах.³²

В связи с этим аспектом необходимо определить место и роль политики инвестиционного выравнивания в рамках общей политики регионального развития, а также сформировать механизма координации и согласования интересов, реализуемых в рамках стратегии инвестиционного сглаживания, с другими стратегическими направлениями развития.

Концепция сокращения диспропорций в региональном развитии предполагает возможность формирования и использования в регионах России различных форм организации местного самоуправления (и территориального управления в целом), а также получения уникального опыта практической работы с такими системами на местном уровне и развития их экономической базы.

Разработка универсальной модели организации местного самоуправления невозможна виду огромного многообразия географических, экономических, социальных, этно-национальных и иных характеристик, присущих субъектам Российской Федерации. Вместе с тем возможно установление единых концептуальных основ, которые на основе типологии определяют границы и формы механизмов правового регулирования для различных территорий.

Цель сглаживания диспропорций развития регионов- преодоление присущих России негативных традиций, связанных с представлениями о неисчерпаемости и бесконечной возобновляемости природных ресурсов, — расточительства, безответственного отношения к окружающей среде, экономической неэффективности, задержек во внедрении инноваций и т. п.

Усилия по сокращению дисбаланса в пространственной модернизации регионов должны быть сосредоточены на внедрении современной концепции региона в практику государственного управления, а также на учете основных закономерностей и тенденций, развития глобального хозяйственного механизма. Теоретическое осмысление различных аспектов глобализации имеет на сегодняшний день высокую значимость для эволюции экономической науки.³³

³² Ковтун Д. П. Факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность региона // Символ науки. 2025. № 5-1. С. 116–118

³³ Лебедев Ю.В. Региональная неоднородность и ее влияние на инвестиционный климат// Региональная политика и управление, 2021, №4, с.112-128.

Важным аспектом разработки системы мер по сглаживанию неравномерности развития регионов является создание условий неразрушительного сочетания экономики и федерализма. Решение этой задачи заложит фундамент для укрепления российского федерализма и разработки регламентированных механизмов и процедур государственного регулирования территориального развития. Концептуально- методологические основы преодоления региональных диспропорций позволят обосновать необходимость укрупнения регионов, не только исходя из характера процесса, но и с учетом конечной цели, а также принципами эффективного отраслевого и территориального управления.

Важнейшим ресурсом и условием для выравнивания неравномерности экономического роста местностей является создание механизмов стратегического взаимодействия между участниками процесса модернизации территорий, институтов сглаживания неоднородности развития регионов и проектных методов реализации региональной экономической политики, базирующейся на концептуальных и методологических подходах к устранению дисбаланса в развитии регионов.

Стратегия должна быть сконцентрирована на использовании достоинств региональной разнородности и межтерриториальной интеграции, гармонизации интересов региональных союзов и реализации принципа равных возможностей для всех граждан, независимо от их проживания.

Стартовый этап разработки мер по управлению инвестиционной средой региона заключается в оценке. Рассмотрение современных методических подходов оценки инвестиционной привлекательности региона привел к нижеследующим результатам:

- большинство методик не проводят различий между такими фундаментальными экономическими понятиями, как «инвестиционная среда» и «инвестиционная привлекательность», что затрудняет точное определение того что именно призвана оценить конкретная методика;

- элементы, формирующие инвестиционную среду региона весьма разнообразны; однако одни методики упускают из виду ключевые факторы, влияющие на инвестиционную среду территории, в то время как другие учитывают факторы, не имеющие существенного значения.³⁴

Все это требует последующей модернизации методических способов к анализу инвестиционной обстановки в регионе. Отбор параметров, характеризующих критерии инвестиционной привлекательности территории, осуществлялся на основе корреляционно-регрессионного исследования соотношения между размерами капиталовложений в

³⁴ Смирнов М.А., Коваленко Е.В. Формирование стратегии развития регионов с учетом их неоднородности// Вопросы региональной экономики, 2024, №3, с. 33-50.

региональную экономику и утвержденными критериями, с учетом наличия статистической информации.

К числу параметров, оценивающих экономические факторы, относятся те показатели, определяющие эффективность регионального производства, экономическую систему региона, индустриальное развитие и промышленный прогресс, присутствие опытной команды трудового потенциала, содержательный профиль импорта товаров и уровень финансовой устойчивости.

Социальные факторы оцениваются с применением следующих значений: доли населения с минимальным доходом, уровня расслоения населения по доходам, покупательного потенциала населения, жилищной обеспеченностью народонаселения, уровня преступной деятельности. Показатели факторов экономического роста включают в себя критерии, определяющие интенсивность затрат на нововведения, инновационный процесс и эффект от инновационного продукта.

Условия геополитического расположения оцениваются на основе отдаленности от мировых торговых площадок и европейской части России, соседство с морскими портами и федеральными автомагистралями, а также климатической обстановки территории. Показатели природных факторов включают критерии, определяющие уровень загрязненности экосистемы и объем расходов регионального бюджета на экологическую защиту.

Оценка организационно-правовых факторов осуществляется с применением таких показателей, как эффективность инвестиционного законодательства, присутствие территориальных проектов поддержки финансовых партнеров, наличие региональных программ по развитию малого и среднего предпринимательства, наличие благоприятных налоговых условий для инвесторов, а также уровень трудоемкости административных ограничений. Баллы по данным критериям предоставляются на базе экспертного заключения.³⁵

Таким образом, необходимо отметить, что инвестиционная среда регионов различна, отражая диспропорции в их социально-экономическом развитии. В связи с этим ключевой задачей является устранение данных различий в сфере инвестиций; решение может заключаться в создании системы управления инвестиционным климатом, основанной на механизме сглаживания неравенства инвестиционной составляющей регионального развития.

³⁵ Калинин А. М. Факторы инвестиционной активности в российской экономике: выводы 2022 г. // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1. С. 35–53.

Библиографический список

1. Глоба С. Б., Березовая В. В., Зябликов Д. В. Исследование подходов к оценке инвестиционной привлекательности региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10. С. 382–386.
2. Ковтун Д. П. Факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность региона // Символ науки. 2025. № 5-1. С. 116–118
3. Лебедев Ю.В. Региональная неоднородность и ее влияние на инвестиционный климат // Региональная политика и управление, 2021, №4, с.112-128.
4. Смирнов М.А., Коваленко Е.В. Формирование стратегии развития регионов с учетом их неоднородности // Вопросы региональной экономики, 2024, №3, с. 33-50.
5. Калинин А. М. Факторы инвестиционной активности в российской экономике: выводы 2022 г. // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1. С. 35–53.

УДК 33

Ушхо Асиет. Трансформация экономики и социальной сферы на уровне региона

Transformation of the economy and social sphere at the regional level

Ушхо Асиет

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономики
Адыгейский Республиканский Институт гуманитарных исследований им. Т.М.Керашева

Ushkho Asiet

PhD in Economics, Senior Researcher, Economics
Department

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Research named after T.M. Kerasheva

Аннотация. Прогрессивное развитие общества регионов является центральным компонентом стабильного роста и процветания любого государства. В условиях глобализации, смены экономических моделей, а также экосистемных и социальных вызовов территории сталкиваются с многочисленными трудностями, способными значительно замедлить их развитие. Результативное решение проблемных задач невыполнимо без непрерывной модернизации концепции регионального развития. Необходимость проявлять адаптивность и гибкость при реагировании на стремительно меняющиеся обстоятельства акцентирует значимость выработки оптимальных решений, способствующих повышению благосостояния населения и сбалансированному развитию.

Ключевые слова: регион, устойчивое развитие, региональное развитие, экономические вызовы, социальная сфера регионов.

Abstract. The progressive development of regions is a central component of the stable growth and prosperity of any state. Amidst globalization, shifting economic models, and various ecosystemic and social challenges, territories face numerous difficulties capable of significantly slowing their development. Effectively addressing these issues is impossible without the continuous modernization of the regional development concept. The need for adaptability and flexibility in responding to rapidly changing circumstances underscores the importance of devising optimal solutions, contributing to improving the population's well-being and to balanced development.

Keywords: region, sustainable development, regional development, economic challenges, regional social sphere.

Социально-экономический рост российских регионов долгое время вызывает интерес экспертов, поскольку уровень благосостояния, а также доступность сфера обучения, здравоохранения и вакансий существенно дифференцируются в различных субъектах страны. В ряде регионов наблюдается устойчивый рост: здесь запускаются инвестиционные проекты, развиваются промышленный и социальный сектор. Остальные же на протяжении лет пребывают в состоянии продолжительной отсталости, финансовой потребности и недостатка компетентных сотрудников.

Эти диспропорции- не просто статистическое свойство – они непосредственно воздействуют на уровень жизни миллионов граждан. Для многих переселение в более развитые регионы остается единственным решением получить достойное занятие, образование или медицинское обслуживание. Вследствие, экономически неустойчивые

территории утрачивают население и ресурсный потенциал, тогда как более развитые встречаются с чрезмерной нагрузкой на инфраструктуру и социальные системы.

Общественные вызовы в Российской Федерации сегодня весьма значительны: существенное запаздывание от развитых стран по уровню благосостояния; заметные диспропорции в социально-экономическом наращивании регионов, значительный отрыв в доходах населения, доминирующая доля населения с доходами ниже минимального уровня жизни, сокращение степени занятости народонаселения в течении последних лет, недостаточно развитая социальная инфраструктура и пр. Эти и многочисленные другие вопросы нуждаются в разработке и реализации масштабных мероприятий по их решению.

36

Несмотря на отмеченные сложности, социальная сфера РФ обладает значительным потенциалом развития: так, наблюдаются и позитивные тенденции в динамике количества и естественного прироста населения, растут показатели прогнозируемого жизненного цикла и образовательного уровня жителей страны. Все это подчеркивает важность решения обозначенных проблем и свидетельствует о возможности реализации в стране концепции устойчивого развития.

Поскольку главной целью регионального развития является оптимизация условий существования населения, особое внимание следует уделять укреплению и развитию трудового потенциала- именно того фактора, который позволяет использовать упомянутые выше элементы для достижения желаемых результатов. Хотя государство способно обеспечить необходимые условия и стимулы для развития инфраструктуры, создания комфортной среды, развития бизнеса, ему не следует подменять бизнес собственной активностью.

В основу оценки регионов сточки зрения карьерных возможностей легли объективные статистические параметры. Учитывались такие факторы, как уровень рекомендуемой оплаты труда (в сопоставлении с порогом бедности и прожиточным минимумом), учтен уровень конкуренции на рынке труда, долю незанятого населения и готовность местных жителей региона к переезду ради трудоустройства. Такой подход позволил выйти за рамки субъективных суждений и стереотипов, продемонстрировав, что сегодня можно найти достойную работу, гарантирующую высокий уровень жизни, даже за пределами столицы. Это в значительной степени способствует сокращению диспропорций в региональном развитии.³⁷

³⁶ Пальмов С.В., Болдова Е.И., Полоскова А.П. Социально-экономическое развитие регионов России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 6. С. 18–22.

³⁷ Кабашова Е.В. Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 3. С. 397–414.

В связи с этим, основные усилия следует направить на определение механизмов повышения привлекательности регионов для стимулирования развития человеческого капитала. Учитывая, что мировое сообщество признает приоритетность достижения устойчивости национального развития с упором на благополучие населения, социальный курс и развитие социальных сфер приобретают все большее значение, как в развивающихся, так и развитых странах.

Сфера обслуживания населения затрагивает широкий спектр областей: социальную инфраструктуру городов и регионов, трудовые ресурсы, а также показатели, характеризующие демографическую ситуацию и уровень жизни. Социальный рост возможен лишь при условии эффективного управления этой сферой, предполагающего учет всех ее составляющих, регулярный мониторинг на основе стандартизированных методик и прогнозирование последующего роста с целью сокращения возникающих проблем.

Усиление позиций региона имеет решающее значение для стабильности страны в целом. Россия — это федерация с обширной территорией и значительными различиями между регионами. Эти регионы отличаются друг от друга уровнем экономического развития и качеством жизни. Успешное развитие требует скоординированных усилий со стороны правительства, бизнеса и общества. Некоторые регионы, такие как Московская область и Санкт-Петербург, развиваются устойчиво. Другие же - в частности, на Севере и Дальнем Востоке, сталкиваются с трудностями. Эти проблемы могут вызвать социальные и экономические сложности: ³⁸

1. Неравномерность развития: регионы существенно различаются по уровню развития. Такие центры, как Москва, располагают более значительными ресурсами и развитой инфраструктурой, в то время как отдаленные регионы зачастую страдают от нехватки инвестиций и недостаточного развития инфраструктуры.

2. Демографические вызовы: отток населения из регионов усугубляет ситуацию. Молодежь переезжает в города, предлагающие больше возможностей, что приводит к старению населения и снижению активности на территориях за пределами основных центров.

3. Социальные услуги: качество социальных услуг неодинаково. В более развитых регионах лучше развиты системы здравоохранения и образования. Это порождает социальное напряжение и сдерживает развитие.

4. Инвестиции: сокращение инвестиций тормозит развитие. Без капиталовложений регионы не могут развиваться. Это усугубляет их отставание от более развитых регионов.

³⁸ Морозкина М. В. Неравенство российских регионов // Устойчивое развитие промышленного региона - конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: материалы VI Международной научной конференции, памяти академика А.И. Татаркина. Челябинск, 2022. – с. 99–104.

5. Социальное неравенство: разрыв в уровне жизни растет. Условия жизни в крупных городах улучшаются, тогда как, отдаленные регионы сталкиваются со сложностями. Это ведет к экономической поляризации.³⁹

Исходя из изучения упомянутых проблем, уместно рекомендовать комплекс мер по укреплению экономического и социального секторов в регионах:

1. Человеческий капитал: приоритетно внимание должно уделяться образованию и здравоохранению. Создание учебных центров и поддержка молодых специалистов помогут сдержать отток молодежи.

2. Региональная политика: требуется составить программы для экономически менее развитых регионов. Содействие следует оказать развитию инфраструктуры и бизнеса, что поможет снизить потребность в субсидиях и стимулировать рост.

3. Развитие инфраструктуры. В отдаленных регионах необходимо развивать дорожную сеть, обеспечивать доступ к интернет-пространству и формировать энергосистему. Это поможет улучшить условия жизни и ведение бизнеса.

4. Поддержка предпринимательства. Государству следует создавать благоприятные условия для бизнеса в регионах. Программы субсидирования и средства мотивации будут стимулировать развитие малых и средних предприятий, что позволит создать новые рабочие места.

5. Привлечение инвесторов. Создание экономических зон, предлагающих инвесторам льготные условия, поможет привлечь капитал в регионы, что послужит опорой региональной индустрии и сельскому хозяйству.

6. Социальная поддержка. Повышение заработной платы и пенсий, а также улучшение доступа к здравоохранению и образованию позволят снизить социальный дисбаланс. Это повысит общий уровень жизни в регионах.⁴⁰

Если рассматривать социально-экономическое развитие субъектов РФ, как процесс расширенного воспроизводства, то это предполагает поэтапные качественные и структурные позитивные сдвиги в таких сферах, как экономика, производительные ресурсы, сектор обучения, наука, культура, уровень и качества жизни населения, а также человеческий капитал. В то же время следует признать, что российские регионы существенно различаются по условиям и факторам развития. Поэтому, наряду с общими подходами, для каждого региона необходимы специфические механизмы, способствующие созданию возможностей для развития и процветания.

³⁹ Климова А.М., Чмель К.Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 143–176.

⁴⁰ Больницкая А. Н. Социальная поддержка населения в зеркале фактов и мнений // Труд и социальные отношения. – 2021. – Т. 32, № 5. – С. 107-115.

Высокоразвитые субъекты – такие как Москва, Санкт-Петербург, Московская область, ЯНАО, ХМАО, Татарстан – отличаются высокими значениями валового регионального продукта, развитым промышленным и сервисным комплексом, стабильным уровнем труда и повышением финансовых поступлений. Эти регионы выступают полюсами экономического роста, привлекающие капиталовложения, аккумулирующие высокотехнологичные отрасли и компетентные кадры. Это обеспечивает основания для равномерного развития и относительно комфортного качества жизни.

Параллельно целый ряд субъектов – прежде всего, регионы Северного Кавказа, Забайкальский край, Еврейская автономная область и обособленные районы Дальнего Востока – пребывают в статусе длительного отставания в развитии. Этим территориям присущи невысокие значения ВРП, высокий процент незанятого населения, спад доходов, недостаток медицинских специалистов, а также неутешительные демографические тенденции, сопровождающиеся сокращением численности населения. Их социально-экономическое развитие тесно связано с бюджетными ассигнованиями.⁴¹

Особый интерес вызывает группа «промежуточных» регионов - Центральная Россия, Поволжье, Урал- где экономика сохраняет стабильность, но показывают умеренную динамику развития. Эти территории сталкиваются с критической нехваткой молодых профессиональных кадров, а отток данной демографической группы еще больше усугубляет дисбаланс на рынке труда. Разрешение этого вопроса требует не просто материальных ресурсов, но и комплексной концепции, включающей укрепление территориального управления, привлечения капиталовложений, модернизации инфраструктуры, а также обеспечение возможностей для комфортной жизни и трудового размещения населения. Разумное пространственное планирование, поддержка городов среднего уровня и развитие сферы услуг способны стать фундаментом для сглаживания неравенства и сбалансированного развития по всей стране.

На основании вышеизложенного, следует отметить, что социально-экономический ландшафт российских регионов по-прежнему крайне неравномерный. Невзирая на согласованные действия и внедряемые проекты разрыв между развитыми и малоразвитыми территориями не ослабевает. Наиболее благополучные субъекты имеют развитую экономику, высокий уровень жизни и стабильную социальную сферу.

Остальные территории сталкиваются с затруднениями, снижением числа жителей и испытывают потребность в системном содействии. Изучение статистических данных подтверждает значительные расхождения в уровне социально-экономического прогресса на межрегиональном уровне. Указанные расхождения носят комплексный характер и

⁴¹ Калмыкова А. Д., Сыроижко В. В. Основы социальной защиты населения в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 70-3. – С. 110-113.

одномоментно отражаются на деловой активности, благосостоянии населения, степени трудоустройства, предоставлении основных социальных услуг, а также в демографических трендах.⁴²

Таким образом, можно говорить о том, что социально-экономический ландшафт российских субъектов по-прежнему крайне неоднороден. Несмотря на согласованные шаги и исполняемые инициативы, разрыв между регионами-лидерами и менее развитыми не изменяется. Преуспевающие субъекты имеют развитую экономику, высокие показатели благосостояния населения и прочную социальную среду. Это подчеркивает потребность переоценки регионального курса с акцентом на пакет мер по поддержке отстающих районов, улучшение комплекса обеспечивающих систем, стимулирования бизнеса и созданию зон развития в городах среднего масштаба.

Библиографический список

1. Пальмов С.В., Болдова Е.И., Полоскова А.П. Социально-экономическое развитие регионов России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № 6. С. 18–22.
2. Кабашова Е.В. Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 3. С. 397–414.
3. Морощкина М. В. Неравенство российских регионов // Устойчивое развитие промышленного региона - конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: материалы VI Международной научной конференции, памяти академика А.И. Татаркина. Челябинск, 2022. – с. 99–104.
4. Климова А.М., Чмель К.Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 143–176.
5. Больницкая А. Н. Социальная поддержка населения в зеркале фактов и мнений // Труд и социальные отношения. – 2021. – Т. 32, № 5. – С. 107–115.
6. Калмыкова А. Д., Сыроижко В. В. Основы социальной защиты населения в Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 70-3. – С. 110–113.
7. Сорокина, Е. А. Ключевые тенденции социально-экономического развития ресурсодефицитного региона / Е. А. Сорокина // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 5. – С. 1807–1822

⁴² Сорокина, Е. А. Ключевые тенденции социально-экономического развития ресурсодефицитного региона / Е. А. Сорокина // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 5. – С. 1807–1822

Электронное научное издание

**Сборник научных трудов по материалам
Международной научно-практической конференции
«Инновационный потенциал современного научного исследования»**

10 сентября 2026 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Формат 60x84/16. Усл. печ. Л 3,1. Тираж 100 экз.
Lulu Press, Inc. 627 Davis Drive Suite 300
Morrisville, NC 27560
Издательство НОО Профессиональная наука
Нижний Новгород, ул. М. Горького, 4/2, 4 этаж, офис №1